РУ́ССКІЙ А́РХІВЪ.

ИЗДАЕТСЯ

11 и 12. ПРИ 1864.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

КЪ ИСТОРІИ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

Записки пастора Теге.

Теге, авторъ предлагаемыхъ записокъ, вончилъ свое поприще пасторомъ въ восточной Пруссіи, въ приходѣ Побетенъ. Онъ былъ Прусскій уроженецъ и Прусскій подданный, но по обстоятельствамъ, которыя читатель узнаетъ изъ самихъ записокъ, служилъ полковымъ пасторомъ русской арміи въ Семилѣтнюю войну. Эти записки изданны Герберомъ въ 1804 году, въ Кенигсбергѣ, еще при жизни ихъ автора, подъ заглавіемъ: Christian Täge's, ehemaligen Russischen Feldpredigers Lebensgeschichte (въ Катал Чертк. Библ., № 1190), а писаны имъ, какъ видно изъ нихъ же, незадолго до ихъ изданія. Небольшая и рѣдкая книжва эта состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Первый принадлежитъ издателю, и содержитъ жизнеописаніе пастора Теге до вступленія въ русскую службу. Этотъ отдѣлъ мало интересенъ, и потому мы кратко излагаемъ его. Второй отдѣлъ писанъ самимъ Теге, и содержитъ нѣкоторыя интересныя свидѣтельства о событіяхъ Семилѣтней войны, которыхъ онъ былъ очевидцемъ. Личность Теге видна въ его запискахъ; она внушаетъ къ себѣ, и сочувствіе, и довѣріе. Пасторъ Теге былъ старикъ замѣчательный въ томъ отношеніи, что въ восемь-десять лѣтъ онъ былъ такъ бодръ, какъ другой человѣкъ не бываетъ лѣтъ въ сорокъ. Восьмидесяти лѣтъ онъ не только исполнялъ еще всѣ пасторскія обязанности, но и безъ помощи жены, которая была уже слаба, могъ еще вести одинъ довольно значительное свое хозяйство. При этомъ онъ сохранилъ живость, веселость, былъ привѣтливъ и гостепріименъ

Описаніемъ этой ясной старости пастора Теге начинается первый отдѣлъ его жизнеописанія. Послѣдуемъ за его изложеніемъ.

Теге родился въ 1724 году, въ восточной Пруссіи, въ городѣ Маріенвердерѣ, гдѣ отецъ его былъ сперва адвокатомъ, потомъ бургомистромъ, потомъ совѣтникомъ (Kommissionsrath). Молодой Теге сперва готовился въ юристы, и учился въ Кенигсберскомъ университетѣ; но потомъ, по просьбѣ отца своего, избралъ пасторское поприще, и изучалъ богословіе въ Галле. Окончивъ тамъ науки въ 1750 году, онъ провелъ восемь лѣтъ въ неудачныхъ попыткахъ получить пасторское мѣсто - три раза дѣло улаживалось, и опять расходилось. Между тѣмъ онъ былъ домашнимъ учителемъ, имѣлъ случай быть въ Кенигсбергѣ и слышать лучшихъ его проповѣдниковъ, посѣтилъ Данцигъ, Гамбургъ, Альтону, прожилъ годъ въ Померанiи и пять

лѣтъ въ Силезіи. Во второй годъ Семилѣтней войны, т. е. 1758 году, его пригласили занять въ Маріенвердерѣ должность дьякона, и Теге прибылъ въ свой родной городъ, пылающій занятія его Русскими. Но здѣсь начинаются собственныя его записки.

Глава I.

Я такъ живо помню вступленіе Русскихъ, какъ будто сейчасъ глядѣлъ на нихъ изъ окна. Я сладко спалъ, уставши отъ дороги; вдругъ страшный шумъ и крики испуга на улицахъ разбудили меня. Бѣгу къ окну, узнать причину этой суматохи. Никогда еще не видали мы Русскихъ, а подавно казаковъ; ихъ появленіе изумило мирныхъ гражданъ Маріенвердера, привыкшихъ къ спокойствію и тишинѣ. Сидѣть покойно въ креслахъ, и читать извѣстія о войнѣ — совсѣмъ не то, что очутиться лицомъ къ лицу съ войною.

Нѣсколько тысячъ казаковъ и калмыковъ, съ длинными бородами, суровымъ взглядомъ, невиданнымъ вооруженіемъ — луками, стрѣлами, пиками — проходили по улицѣ. Видъ ихъ былъ страшенъ и вмѣстѣ величественъ. Они тихо и въ порядкѣ прошли городъ, и размѣстились по деревнямъ, гдѣ еще прежде имъ отведены были квартиры.

Но ко всему можно привыкнуть; и намъ не такъ страшны казались уже другія войска, проходившія Маріенвердеръ. Да они и не подали намъ никакого повода жаловаться, потому что порядокъ у нихъ былъ образцовый. Болѣе восьми дней проходила кавалерія, пѣхота и артиллерія черезъ мой родной городъ. Всего войска было по крайней мѣрѣ сорокъ слишкомъ полковъ. Они не останавливались въ городѣ, но размѣщались по окрестностямъ.

Когда прошло войско, прибылъ и остановился въ городѣ самъ главнокомандующій графъ Фермеръ, съ своимъ штабомъ. Для него и для штаба тотчасъ разбили палатки въ большомъ лагерѣ, гдѣ начальники ежедневно должны были находиться для смотровъ и распоряженій.

Въ эту первую недѣлю моей новой жизни въ Маріенвердерѣ, я получилъ приказаніе отъ магистрата исправлять должность дьякона: это дозволялось нерукоположеннымъ, хотя не во всѣхъ частяхъ. По этому случаю, когда я въ первый разъ говорилъ проповѣдь, графъ Фермеръ пріѣхалъ въ церковь со всѣмъ своимъ штабомъ. Послѣ этого мои проповѣди продолжались до Вознесенія Господня, и всякій разъ въ присутствіи русскаго генералитета.

Въ этотъ же день, только что я сѣлъ обѣдать по окончаніи моихъ занятій, какъ вошелъ русскій офицеръ отъ графа Фермора съ приказаніемъ, чтобы я тотчасъ явился къ нему. Каково мнѣ было, можно себѣ представить; я и приблизительно не могъ догадываться, зачѣмъ меня требовали. Родные мои перепугались, и я со страхомъ отправился.

Казаки отворили обѣ половинки дверей, и я увидалъ длинный столъ; за столомъ генераловъ, въ лентахъ и крестахъ, а на первомъ мѣстѣ графа Фермора. Онъ важно, но милостиво кивнулъ мнѣ головою. Я почтительно приблизился. Глубокая тишина въ залѣ.

— Кто вы такой? спрашиваетъ главнокомандующій.

Я назвалъ свое имя, родителей, происхожденіе, мѣсто рожденія, занятія и т. д. Графъ важно сидѣлъ между тѣмъ, и игралъ вилкой по серебряной тарелкѣ.

Когда я кончилъ, онъ сказалъ мнѣ отрывисто:

— Вы будете нашимъ полковымъ пасторомъ, и отправитесь съ нами въ походъ.

Тутъ-то я упалъ съ неба на землю. Ни-

чего подобнаго не входило мнѣ въ голову. Въ душѣ моей слишкомъ укоренилась надежда получить покойное пасторское мѣсто, и вдругъ я долженъ былъ отказаться отъ этой надежды. Жить въ арміи, о которой ходило столько ужасныхъ слуховъ, и сдѣлаться врагомъ своего отечества! Мысль эта, какъ молнія, блеснула въ головѣ моей.

— Я не могу, ваше превосходительство, отвѣчалъ я скоро и рѣшительно.

— Отчего же? спросилъ онъ, устремивъ на меня очень спокойный и въ то же время строгій и пристальный взглядъ.

Я представилъ ему свое положеніе, въ выраженіяхъ, сколько могъ, сильныхъ и трогательныхъ, — мою надежду быть дьякономъ и справедливое нежеланіе служить противъ моего добраго государя.

Графъ Фермеръ въ это время смотрѣлъ въ тарелку и концемъ вилки игралъ по ней.

— Знаете, сказалъ онъ, что я генералъ-губернаторъ Пруссіи, и что если я прикажу, то самъ придворный пасторъ Овандъ отправится за мной въ походъ?

Противъ этого конечно сказать было нечего. Я почтительно поклонился, и просилъ позволенія посовѣтоваться съ моимъ отцомъ, и испросить его благословенія.

— Черезъ полъ часа я васъ ожидаю, сказалъ онъ, кивнувъ мнѣ головою.

Возвратясь домой, я нашелъ у отца многихъ друзей, съ любопытствомъ ожидавшихъ, чѣмъ кончится дѣло. Послѣ разныхъ толковъ, мы сочли благоразумнымъ повиноваться. У насъ жива была старая добрая вѣра въ Божій промыселъ, которому мы и приписали это внезапное назначеніе. Посовѣтовавшись съ своими, я возвратился къ графу.

У него обѣдъ еще не кончился. Я доложилъ ему, что согласенъ исполнить его волю; онъ принялъ это повидимому равнодушно; потомъ я попросилъ позволенія съѣздить въ Кенигсбергъ для экзамена и рукоположенія. „Это можно исполнить, не выѣзжая отсюда.“ Я попросилъ денегъ впередъ для пасторской одежды. „Вы ихъ получите“ и кивнувъ головою, онъ велѣлъ мнѣ идти.

Не зная, когда графу угодно будетъ назначить мой экзаменъ, я день и ночь сидѣлъ надъ своими книгами, чтобъ быть готовымъ всякую минуту. Черезъ недѣлю, поздно вечеромъ, я получилъ приказаніе находиться въ главной церкви на слѣдующій день, въ 9 часовъ.

Общество офицеровъ проводило меня къ алтарю, и тамъ помѣстилось полукругомъ, а я по срединѣ. Графа Фермора при этомъ не было. Главный пасторъ приступилъ къ экзамену, продолжавшемуся полъ часа; потомъ безъ дальнихъ околичностей, началось рукоположеніе, и еще черезъ полъ часа, я уже былъ полковымъ пасторомъ.

Глава II.

Нѣсколько дней спустя мнѣ приказано было говорить назавтра вступительную проповѣдь. Вмѣстѣ съ приказаніемъ присланъ былъ и текстъ для проповѣди, выбранный самимъ графомъ: „Се скинія Божія съ человѣки, и вселится съ ними, и тіи людіе Его будутъ, и самъ Богъ будетъ съ ними, Богъ ихъ. (Апокал. XXI, 3).

Не тогда, но впослѣдствіи увидалъ я, что въ выборѣ этого текста выразился характеръ графа. Онъ былъ очень благочестивъ, и строго смотрѣлъ, чтобы въ арміи соблюдались, хотя внѣшніе, обряды вѣры. Каждый полкъ имѣлъ своего священника, начальникомъ ихъ былъ протопопъ. Въ арміи до сихъ поръ не было только пастора, а между тѣмъ самъ графъ, многіе генералы и нѣкоторые штабъ и оберъ-офицеры исповѣдывали лютеранскую вѣру. Вышеозначеннымъ текстомъ

графъ хотѣлъ показать свою радость о томъ, что нашелъ себѣ проповѣдника.

На слѣдующее утро, въ почетномъ сопровожденіи, поѣхалъ я въ лагерь. Меня ввели въ большую зеленую палатку 120 футовъ длиною, подаренную графу Фермору городомъ Кенигсбергомъ. Съ противуположнаго конца ея была перегородка; пространство, находившееся за нею, служило вмѣсто сакристіи. Впереди стоялъ столъ, покрытый алымъ бархатомъ, съ императорскимъ гербомъ, шитымъ золотомъ. Я произнесъ проповѣдь въ присутствіи всего генералитета и всѣхъ офицеровъ, и по окончаніи ея мнѣ положили на столъ значительный подарокъ въ нѣсколько сотъ рублей. Тутъ въ первый разъ приказано мнѣ явиться къ графскому столу, и потомъ являться къ нему въ извѣстный часъ ежедневно.

Возвратясь отъ обѣда, я нашелъ у себя императорскаго сержанта, который ждалъ меня. По приказанію графа онъ долженъ былъ находиться при мнѣ безотлучно, и служить моимъ проводникомъ. Объявляя объ этомъ, сержантъ просилъ меня выдти на дворъ посмотрѣть, что графъ присылалъ мнѣ.

Я увидалъ крытую повозку, запряженную тройкой лошадей, и кучера въ придворной одеждѣ, то есть, въ красной шапкѣ съ императорскимъ гербомъ, изъ желтой мѣди. Сержантъ прибавилъ, что графъ предоставляетъ мнѣ этотъ экипажъ, бывшій до сихъ поръ въ распоряженіи одного капитана при тайной канцеляріи, который застрѣлился нѣсколько дней тому назадъ (*).

Я не смѣю не сознаться, что въ тогдашнемъ моемъ возрастѣ эти милости нѣсколько вскружили мнѣ голову. Я мечталъ о самой счастливой будущности, и самой лучшей жизни, и ночь, послѣ вступленія моего въ должность полковаго пастора, прошла для меня въ сладкихъ ощущеніахъ и ожиданіяхъ.

Но едва стало разсѣтать, какъ сержантъ разбудилъ меня, „Вставайте! васъ требуютъ. Казаки и калмыки идутъ сегодня въ походъ за Вислу передовымъ отрядомъ. Гетманъ хочетъ, чтобъ вы благословили ихъ передъ переправой.“

— Я, лютеранскій пасторъ, буду благословлять солдатъ греческой вѣры?

— Гетманъ говоритъ, что мы всѣ христіане, что ваше благословеніе такое же какъ протопоповo; протопопу бы слѣдовало благословлять солдатъ, но онъ еще не воротился изъ Кенигсберга.

— Да я не знаю ни слова по русски.

— Не бѣда, если никто васъ и не пойметъ. Русскій уважаетъ всякаго священника, про котораго знаетъ, что онъ поставленъ законною властію. Говорите только по правдѣ и чувствительно, и осмѣлюсь вамъ посовѣтовать, упоминайте почаще имена Авраама, Исаака и Якова, такъ и будетъ хорошо.

Добрый сержантъ конечно не подозрѣвалъ, что вмѣстѣ съ этимъ совѣтомъ, онъ давалъ мнѣ и содержаніе для напутственной проповѣди. И въ самомъ дѣлѣ кстати было напомнить передовымъ войскамъ о древнихъ патріархахъ, которымъ было такъ трудно переселяться изъ однихъ мѣстъ въ другія, неизвѣстныя. Можетъ быть, нѣкоторые изъ слушателей и поняли меня. Я говорилъ стоя у самаго берега Вислы, на небольшомъ возвышеніи. Начальники, какъ мнѣ показалось, были тронуты; солдаты же, по крайней мѣрѣ, крестились всякій разъ при имени Іисуса, Авраама и т. д. Да и самъ я растрогался, оканчивая свою рѣчь Мнѣ тоже предстояло итти въ походъ, и мрачныя событія грозили въ будущемъ.

(*) Онъ застрѣлился, потому что обойденъ былъ чиномъ при общемъ производствѣ.

Когда я кончилъ, гетманъ, съ выраженіемъ чувства на лицѣ, котораго никогда не забуду, сунулъ мнѣ въ руку 40 рублей. Войско двинулось, и въ рядахъ его я видѣлъ многихъ послѣдній разъ.

Нѣсколько дней спустя случилось мнѣ пріобщать Св. Таинъ полковаго коновала, лютеранина, который въ ночь послѣ того умеръ. Я узналъ на другой день, что умершій отказалъ мнѣ крытую повозку съ двумя лошадьми. Этотъ подарокъ былъ мнѣ вдвойнѣ пріятенъ; во первыхъ, какъ доказательство, что меня любятъ; во вторыхъ, онъ былъ полезенъ въ моемъ хозяйствѣ. Я могъ уложить мои вещи на двухъ повозкахъ, и обзавестись, какъ должно, всѣмъ нужнымъ. Къ каждой повозкѣ взялъ я по одному человѣку прислуги, и покойно ждалъ приказа къ выступленію.

Черезъ нѣсколько дней армія перешла Вислу.

Глава III.

Прежде, чѣмъ приступлю къ описанію дальнѣйшихъ событій, разскажу, что мнѣ извѣстно о русской арміи, находившейся подъ начальствомъ графа Фермора, и остановлюсь особенно на изображеніи самаго главнокомандующаго. О немъ шла и хорошая и дурная слава. Еще очень недавно, г. де ла Мессельеръ очернилъ его въ статьѣ своей, помѣщенной въ прошлогодней іюльской книжкѣ Минервы, издаваемой Архенгольцомъ. Въ этой статьѣ, (на стр. 94), сказано, будто Ферморъ дѣйствовалъ заодно съ королемъ прусскимъ, и былъ имъ даже подкупленъ, что Ферморъ, хорошій интендантъ арміи, былъ однакоже плохой боевой генералъ. Кромѣ измѣны, въ этой статьѣ, приписываются ему еще другія низкія дѣла.

Правда, что де ла Мессельеръ—современникъ графа; но вѣдь и я также его современникъ. Де ла Мессельеръ наблюдалъ издали за дѣйствіями Фермора; судилъ объ нихъ по извѣстіямъ, которыя сообщались можетъ быть людьми подкупными, я же былъ очевидецъ описываемыхъ событій, и очевидецъ, котораго никто не подкупалъ; и потому мнѣ нечего скрывать истину; а что я имѣлъ всю возможность наблюдать, въ этомъ, я думаю, никто не будетъ сомнѣваться. Интриги были въ то время при каждомъ почти дворѣ; съ помощью ихъ придворные обыкновенно избавлялись отъ враговъ своихъ. Кто знаетъ эти интриги и знаетъ свѣтъ и людей, тотъ не повѣритъ безусловно какому нибудь Мессельеру.

Тайны графа Фермора мнѣ неизвѣстны, никогда я не писалъ для него, ни частныхъ писемъ, ни дѣловыхъ бумагъ. Но среди арміи, наполненной его врагами, мнѣ легко было бы услышать толки о сомнительной преданности его русскому правительству, въ чемъ его обвиняетъ де ла Мессельеръ. Тѣмъ не менѣе я не слыхалъ ничего подобнаго. Не знаю также, какими доводами французская партія въ Петербургѣ умѣла привлечь графа Фермора къ отвѣтственности за Цорндорфское сраженіе; по всѣмъ вѣроятіямъ, благодаря ея внушеніямъ, и я былъ заключенъ въ крѣпость. Не смотря на то, мы съ графомъ—si licet parvis componere magna (*)—вышли чисты изъ испытанія, которому подверглись, по милости Франціи, а де ла Мессельеръ палъ еще прежде окончанія нашего дѣла.

Графъ Ферморъ, лифляндецъ по происхожденію, отличился въ 1734 году при осадѣ Данцига, гдѣ былъ флигель-адъютантомъ при генералъ-фельдмаршалѣ Минихѣ. Высшихъ степеней достигъ онъ своею разсуди-

(*) Если осмѣлюсь сравнивать себя съ этимъ большимъ человѣкомъ.

тельностью и преданностью русскому престолу; при императрицѣ Елизаветѣ получилъ онъ главное начальство въ войнѣ противъ Пруссіи.

Когда я узналъ Фермора, ему было около 50 лѣтъ; онъ былъ средняго роста, лице имѣлъ красивое, но нѣсколько блѣдное. Всегда держалъ себя очень важно въ обхожденіи съ людьми знатными и съ своимъ штабомъ. За то низшихъ умѣлъ привлекать къ себѣ кротостью и привѣтливостью. Онъ былъ очень благочестивъ, и, соблюдая въ точности всѣ постановленія лютеранской вѣры, никогда не пропускалъ воскреснаго богослуженія. Наканунѣ всякой дневки, которая обыкновенно бывала на третьи сутки, я получалъ приказаніе назавтра говорить проповѣдь. Графъ пріобщался Св. Таинъ только однажды въ годъ, въ день Вознесенія Господня. Онъ былъ чрезвычайно милосердъ къ бѣднымъ и притѣсненнымъ. Просители, хотя бы подданные непріятельскаго государства, никогда не уходили отъ графа безъ удовлетворенія. Онъ безотлагательно изслѣдывалъ жалобу, и строго наказывалъ виновнаго. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, показывающихъ всегдашнюю готовность графа помогать обиженному. Нѣсколько недѣль послѣ перехода арміи черезъ Вислу, мы стояли подъ Кюстриномъ. Ко мнѣ, какъ пастору, обращались по большей части лютеране, пострадавшіе какимъ бы ни было образомъ отъ казаковъ и калмыковъ, рыскавшихъ по окрестностямъ. Обиженные искали у меня совѣта, утѣшенія и помощи. Такъ въ одно утро явился ко мнѣ главный арендаторъ бывшихъ къ той сторонѣ дворянскихъ имѣній. Гусары и казаки напали ночью на его домъ, нанесли ему побои, и взяли лучшія его пожитки. Онъ просилъ помочь ему въ отысканіи имущества. Я всегда былъ готовъ пособлять несчастнымъ, и совѣтомъ, и дѣломъ; но тутъ страдалъ соотечественникъ, и потому я принялъ въ немъ особенное участіе. Я спросилъ его, не можетъ-ли онъ распознать въ лице хоть одного изъ грабителей. Онъ увѣрялъ, что можетъ. Тогда мы пошли къ графу и были приняты. Я разсказалъ ему дѣло, а огорченный видъ арендатора доказывалъ, что оно заслуживало вниманія. Графъ былъ разгнѣванъ этимъ происшествіемъ; отъ тотчасъ велѣлъ выстроиться всему полку синихъ гусаръ, къ которому, по словамъ арендатора, принадлежалъ одинъ изъ виновныхъ въ грабежѣ; арендатору велѣно было пройтиться по радамъ и указать, кто его грабилъ; но онъ никого не могъ опознать; такъ что графъ начиналъ уже на него сердиться. Тогда одинъ изъ офицеровъ объявилъ, что полкъ не весь; нѣсколько человѣкъ отряжены въ команду, и что можетъ быть виновный окажется между ними. Тотчасъ послали и за тѣми, и когда они черезъ нѣсколько часовъ возвратились, виновные и соучастники были открыты, признались въ преступленіи, были наказаны кнутомъ и отправлены въ Рогервикъ арестантами. „Я долженъ, сказалъ графъ, очищать армію отъ людей, не умѣющихъ во время войны быть человѣколюбивыми, и не дающихъ пощады безоружному непріятелю.“

Сколько я зналъ графа, онъ всегда держался такого образа мыслей. По его распоряженію легкія команды всякій разъ предшествовали арміи для охраненія тѣхъ деревень, черезъ которыя она должна была слѣдовать. Эта предосторожность употреблялась особенно противъ казаковъ и калмыковъ, потому что регулярныя войска были пріучены къ самому строгому повиновенію, и провинившійся гусаръ вѣрно былъ позванъ на грабежъ казаками. Если же и случалось, что регулярныя войска обижали жителей, то въ этомъ сами жители были виноваты,

раздражая солдатъ необдуманнымъ сопротивленіемъ, или стрѣляя въ нихъ изъ-за заборовъ. Война всегда большое зло, но для русской арміи то уже служитъ немалою похвалою, что другія государства показали себя гораздо хуже въ этомъ отношеніи.

Глава IV.

Графъ Ферморъ всегда носилъ голубой кафтанъ съ красными отворотами. Кавалеръ многихъ орденовъ, онъ даже въ большіе государственные праздники являлся въ одной голубой лентѣ; за то носилъ ее всегда. Какъ всѣ знатные люди, онъ привыкъ къ удобствамъ жизни, но будучи главнокомандующимъ, не хотѣлъ служить примѣромъ изнѣженности, и потому во время похода никогда не садился въ карету, хотя у него было ихъ много; но ѣхалъ верхомъ, какова бы ни была погода, и какъ бы дологъ ни былъ переходъ. Въ городахъ и деревняхъ онъ никогда не занималъ квартиры, развѣ останавливаясь на продолжительное время, какъ напримѣръ въ Маріенвердерѣ, но всегда располагался въ своей палаткѣ, которую разбивали посреди лагеря.

При всемъ томъ, не льзя сказать, чтобы жизнь его была чужда пышности, и вѣрно въ этомъ отношеніи ни одна изъ союзныхъ армій не могла бы поспорить съ русскою. Багажъ съ прикрытіемъ всегда шелъ впереди; графскія палатки и вещи везлись на верблюдахъ. Въ извѣстномъ отъ нихъ разстояніи слѣдовалъ самъ главнокомандующій. Но какимъ образомъ? Сперва ѣхали двѣ тысячи казаковъ и калмыковъ, въ самомъ лучшемъ порядкѣ, составляя стражу главнокомандующаго; за ними рота кирассиръ, съ литаврами, которыя, какъ и остальная музыка, никогда не умолкали. За музыкой ѣхали два адъютанта, давая знать о близости главнокомандующаго. За адъютантами — генералъ адъютантъ; наконецъ самъ Ферморъ, въ кругу генераловъ, а за ними безчисленное множество слугъ, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ тысячъ лейбъ казаковъ.

Часто случалось, что во время похода не льзя было сыскать помѣщенія, гдѣ бы главнокомандующій могъ расположиться пообѣдать. Тогда онъ приказывалъ останавливаться возлѣ лѣса или въ полѣ. Повара являлись съ холодными, а иногда и съ горячими кушаньями. Генералы садились на коврахъ, а казаки и калмыки ѣли изъ своихъ сумокъ.

Вечеромъ разбивался лагерь. Генералъ-квартермистръ, ѣхавшій впереди арміи съ своими подчиненными, заготовлялъ все нужное для войска. Я сказалъ уже, что графъ Ферморъ всегда останавливался въ лагерѣ; не смотря на то, ему отводилась лучшая квартира въ городѣ или деревнѣ, близъ которыхъ мы останавливались, у этой квартиры становились часовые, и графъ всегда уступалъ ее мнѣ. Палатка его была круглая, турецкая, освѣщавшаяся сверху; она раскидывалась на деревянной рѣшоткѣ, и украшалась внутри бѣлой и голубой парчей; снаружи была обита очень крѣпкимъ и ослѣпительно-бѣлымъ сукномъ. Мебель, очень простая, и вмѣстѣ очень богатая, состояла изъ кроватя, большаго стола и нѣсколькихъ стульевъ. Вся эта роскошь и удвоенные часовые давали знать о присутствіи главнокомандующаго.

Большая зеленая палатка, о которой я говорилъ выше, стояла неподалеку; въ ней совершали богослуженіе и обѣдали. Вблизи раскидывался еще шатеръ, менѣе великолѣпный, — для богослуженій греческой церкви. Протопопъ, о которомъ буду говорить ниже, никогда не жилъ въ лагерѣ, но такъ какъ и я останавливался въ городахъ и деревняхъ

За столомъ графа соблюдалась пышная торжественность. Онъ никогда не обѣдалъ иначе, какъ на серебрѣ, и суповыя чашки были внутри позолочены. Графъ садился на первомъ мѣстѣ и всегда назначалъ самъ, кому сидѣть рядомъ съ нимъ по правую и по лѣвую сторону (*). Прочихъ же размѣщалъ церемоніймейстеръ, въ парадной одеждѣ; въ его распоряженіи находились гренадеры, разносившіе кушанья. Лакеры передъ обѣдомъ и вина за столомъ подавались въ изобиліи, но никогда не пили чье нибудь здоровье, кромѣ большихъ царскихъ праздниковъ. Въ эти дни графъ провозглашалъ тосты, и при имени императрицы гремѣлъ сто одинъ выстрѣлъ;—пятьдесятъ одинъ при имени великаго князя, и столько же въ честь союзныхъ государей. Пальба эта бывала и во время богослуженія, если оно совершалось по какому либо особенному торжеству.

Послѣ обѣда графъ шелъ въ свою палатку съ двумя тайными секретарями, и занимался съ ними до поздняго вечера.

При арміи находился волонтеромъ королевско-польскій или саксонскій принцъ Карлъ, котораго императрица Елизавета прочила въ герцоги Курляндскіе, но извѣстно, что это не состоялось. Де ла Мессельеръ говоритъ, будто графъ Ферморъ оклеветалъ его передъ императрицей. Я не могу ни опровергнуть, ни подтвердить этого обвиненія, не состоя въ близкихъ сношеніяхъ съ этими господами. Но, сколько мнѣ извѣстно, принцъ не былъ близокъ съ графомъ. Рѣдко я видѣлъ, чтобы они говорили другъ съ другомъ, и никогда не видалъ, чтобы принцъ обѣдалъ у графа. Многое можно бы сказать объ этихъ отношеніяхъ, если бы цѣлію моихъ записокъ было опроверженіе старыхъ предубѣжденій.

Образъ жизни принца соотвѣтствовалъ его сану. У него былъ свой дворъ, церковь, кухня и т. д. Во время похода онъ всегда ѣхалъ верхомъ, окруженный значительной свитой. Чтобы дать маленькое понятіе о его пышности, перечислю его обозъ: 10 великолѣпно одѣтыхъ конюховъ вели одинъ за другимъ 10 большихъ муловъ, украшенныхъ перьями съ серебряными подобранными колокольчиками, издававшими пріятный звонъ; мулы были навьючены и покрыты желтыми покрывалами съ королевскимъ курфюршескимъ гербомъ, шитымъ золотомъ на голубомъ полѣ. За мулами слѣдовали попарно 38 слугъ верхами, однообразно и чисто одѣтыхъ; оберъ-шталмейстеръ, съ 30 верховыми лошадьми принца, подъ прекрасными попонами; каждую лошадь по одиночкѣ велъ чрезвычайно красиво одѣтый конюхъ. За тѣмъ двѣ великолѣпныя кареты для принца или важнѣйшихъ лицъ его свиты, на случай нездоровья или дурной погоды. Потомъ особенный экипажъ для духовника, еще одинъ для лейбъ-медика, еще одинъ съ двумя дамами, и потомъ множество повозокъ съ кухней и вещами, и этимъ заключался обозъ.

Надо сказать еще, что каждый полкъ имѣлъ по телегѣ съ провіантомъ, значитъ во всей арміи было 4000 такихъ телѣгъ. Каковъ былъ обозъ, можно себѣ представить!

(*) Я помню, что удостоился этой чести два раза.

Глава V.

И такъ назначенъ былъ походъ за Вислу. Еще звѣзды ярко горѣли, а я былъ уже на ногахъ, и готовился въ дорогу. Погода была тихая, небо самое ясное, солнце взошло великолѣпно и такъ мирно, а между тѣмъ впереди грозили всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ

мы обыкновенно просимъ избавленія у Бога. Черезъ часъ по восхожденіи солнца, я стоялъ на берегу Вислы.

Откровенно сознаюсь, что сердце мое было растерзано горестью. Походъ за Вислу не могъ остаться для меня безъ послѣдствій. Я прощался съ родиной, съ моей сладкой, едва не исполнившейся надеждой жить тихо и покойно; мнѣ должно было идти на войну, и войну ожесточенную, какъ надо было ожидать. Поручивъ себя Богу, я переѣхалъ верхомъ на ту сторону рѣки.

На походѣ со мной не случилось ничего особеннаго, кромѣ того, что я нажилъ себѣ друга въ протопопѣ русской арміи, и тѣсно сошелся съ нимъ. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, добрый, чистосердечный и веселый. Обязанность его была важная: надзоръ надъ всѣми попами арміи, съ правомъ наказывать ихъ тѣлесно, что случалось довольно часто, по причинѣ дурнаго поведенія нѣкоторыхъ поповъ. Протопопъ былъ окруженъ множествомъ слугъ и подчиненныхъ; домашняя одежда его состояла изъ чернаго, богатаго бархата. Онъ былъ очень хорошъ со мною, и мы всегда ѣзжали рядомъ, верхами. Кое какъ говоря по нѣмецки, онъ развлекалъ меня своею веселостью, и училъ, какъ обращаться съ русскими, которыхъ я вовсе еще не зналъ. Я имѣлъ счастіе такъ ему понравиться, что когда я былъ уже приходскимъ пасторомъ въ Побетенѣ, онъ навѣстилъ меня, и далъ мнѣ ясно понять, что охотно бы отдалъ за меня свою дочь. Я вѣрно принялъ бы это предложеніе, если бы не имѣлъ другихъ намѣреній.

Наша армія шла на Бромбергъ, потомъ на Познань. Въ Познани мы стали лагеремъ, и, казалось, на довольно продолжительное время. Я по обыкновенію хотѣлъ занять квартиру графа Фермора, но ее только что занялъ какой-то русскій полковникъ. Разсказываю это въ доказательство порядка, господствовавшаго тогда въ русской арміи. Воротясь въ лагерь, я послалъ генералъ-квартирмейстера, который былъ въ полковничьемъ чинѣ, чтобы мнѣ отвели другую квартиру. Кто же осмѣлился занять вашу? спросилъ онъ гнѣвно, вскочилъ съ своей постели, и не дожидаясь моего отвѣта, сталъ надѣвать полную форму; потомъ пригласилъ меня слѣдовать за собою, на квартиру Фермора. Тамъ нашли мы полковника, который самовольно въ ней расположился, и генералъ квартирмейстръ строго спросилъ его: Кто вы такой? Развѣ вы не знаете, что эти комнаты назначены для главнокомандующаго, и что вы показали неуваженіе къ его особѣ? Полковникъ отвѣчалъ, запинаясь, что ему приказано доставить въ Торнъ князя Ф. Гацфельда, взятаго въ плѣнъ казаками, что онъ пріѣхалъ поздно и не зналъ, гдѣ остановиться и проч. Однако генералъ-квартирмейстръ не довольствовался извиненіемъ, приказалъ, чтобы квартира была очищена, и чтобы полковнику отвели другую. Но такъ какъ всѣхъ комнатъ было три, то я предложилъ уступить пріѣзжему двѣ комнаты, а себѣ оставлять одну, этимъ уладилъ дѣло, и провелъ пріятно вечеръ съ моимъ сосѣдомъ.

На слѣдующее утро явились ко мнѣ выборные изъ жителей Познани лютеранскаго исповѣданія. У нихъ не было ни церкви, ни пастора, и они просили меня проповѣдывать у нихъ и пріобщать Св. Таинъ. Я не могъ согласиться на это предложеніе, не спросясь главнокомандующаго; тотъ согласился, и я прожилъ это время очень пріятно, навѣщая больныхъ, пріобщая Св. Таинъ, исполняя другія требы, за что и получалъ значительные подарки.

Изъ Познани мы выступили опять въ походъ по направленію черезъ Ландсбергъ,

что на Вартѣ. Скоро авангардъ, вмѣстѣ съ артиллеріей, пошелъ къ Кюстрину, а резервы, и я съ ними, нѣсколько дней оставались еще позади, пока также не получили приказанія идти впередъ.

Но я посвящу особую главу нашему пребыванію подъ Кюстриномъ, гдѣ мнѣ пришлось въ первый разъ увидѣть, что такое война.

Глава VI.

Въ половинѣ августа (1758), въ 9 часовъ утра, я приближался къ Кюстрину. Еще его не видно было за лѣсомъ, но поднимавшійся дымъ и неумолкаемый рекъ пушекъ и мортиръ уже возвѣщали мнѣ о страшномъ бѣдствіи, котораго я скоро сдѣлался свидѣтелемъ. Кюстринъ, этотъ большой городъ, горѣлъ, и не съ одного какого-либо конца, но горѣлъ весь. Въ 5 часовъ утра Фермеръ началъ бомбардированіе; одна изъ первыхъ бомбъ попала въ сарай съ соломою, и произвела пожаръ, кончившійся истребленіемъ города. Между тѣмъ пальба съ русской стороны не прекращалась. Къ полудню Кюстринъ уже превратился въ дымящуюся груду пепла; но, не смотря на то, русскіе продолжали бомбардированіе вѣрно для того, чтобы воспрепятствовать жителямъ тушить пожаръ и спасать имущество (*).

(*) Разрушеніе Кюстрина, отъ котораго содрогается каждое чувствительное сердце, служитъ, какъ мнѣ кажется, къ оправданію графа Фермора, и къ опроверженію де ла Мессельера, который обвиняетъ графа въ содѣйствіи королю прусскому. Рамбахъ въ своемъ отечественно-историческомъ сборникѣ (Taschenbuche), на стр. 356, говоритъ, что система войны графа Фермора состояла въ томъ только, чтобы жечь и грабить. Но онъ не соображаетъ, что въ тогдашнихъ отношеніяхъ прусскаго двора къ русскому, главнокомандующій долженъ былъ дѣйствовать болѣе по инструкціямъ, нежели слѣдовать внушеніямъ человѣколюбія. Эти чувства Фермора мнѣ были хорошо извѣстны, и мнѣ бывало особенно жаль главнокомандующаго, когда я видѣлъ, какъ необходимость заставляла его жертвовать высшему интересу благороднѣйшими побужденіями души своей.

Сотни людей, ища спасенія на улицахъ, погибли отъ выстрѣловъ или подъ развалинами домовъ. Большинство жителей бѣжало за Одеръ въ предмѣстья и деревни, оставя по сю сторону рѣки все свое имущество.

Разрушеніе Кюстрина было часто описываемо, но для очевидца, никакое описаніе не можетъ быть вѣрнѣе того, что онъ самъ видѣлъ. Извѣстно, что безчисленное множество жителей, спасаясь въ погребахъ, погибло подъ ихъ развалинами, или задохлось тамъ отъ дыма и угара.

Графъ Фермеръ снялъ осаду Кюстрина, когда комендантъ крѣпости, фонъ Шакъ, отказался сдать ее. Это было 21-го августа.

Вскорѣ послѣ того, Фермеръ получилъ вѣрныя извѣстія о приближеніи короля и о его намѣреніи перейти Одеръ. Генералъ-лейтенантъ *Кумматовъ* (von Kumatoff) тотчасъ отраженъ былъ къ нему навстрѣчу съ наблюдательнымъ корпусомъ. Но это не помѣшало Фридриху благополучно переправиться черезъ Одеръ; Куматовъ просмотрѣлъ короля, по чьей винѣ, не знаю.

24 Августа двинулась вся наша армія. Къ ночи мы достигли окрестностей Цорндорфа, и здѣсь-то я былъ свидѣтелемъ зрѣлища, самаго страшнаго въ моей жизни.

Глава VII.

Надлежало сразиться съ Фридрихомъ. Мы пришли на мѣсто боя, выбранное Фермеромъ. Увѣряютъ, будто оно было неудобно для русской арміи, и будто армія была дурно поставлена. Пусть судятъ объ этомъ

тактики. Безпристрастный же наблюдатель не могъ не замѣтить, что обѣ стороны имѣли нѣкоторое право приписывать себѣ побѣду, какъ оно и было дѣйствительно.

Разскажу, что было со мною, и каковы были мои ощущенія.

При всемъ мужествѣ, не доставало силъ равнодушно ожидать сраженія, ибо извѣстно было, какъ оба войска были озлоблены одно противъ другаго. Разрушеніе Кюстрина должно было только усилить ожесточеніе Пруссаковъ. Дѣйствительно, мы послѣ узнали, что король, передъ началомъ сраженія, велѣлъ не давать пощады ни одному Русскому.

Когда армія пришла на мѣсто сраженія, солдатамъ дали непродолжительный роздыхъ, и потомъ, еще передъ полночью, начали устроивать боевой порядокъ. Въ это время соединился съ нами 10 тысячный русскій отрядъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Чернышева. То былъ такъ называемый новый корпусъ. Такимъ образомъ наша армія возросла до 50.000 человѣкъ. Извѣстно, что ее выстроили огромнымъ четыреугольникомъ. По срединѣ, гдѣ мѣстность представляла родъ углубленія, и поросла рѣдкими деревьями, поставили малый обозъ, съ младшимъ штабомъ (Unterstab), при которомъ и я находился. Большой обозъ находился въ разстояніи четверти мили оттуда, въ Вагенбургѣ, съ 8000 человѣкъ прикрытія.

Мнѣ кажется, что положеніе обоза было неудобно. Король долженъ былъ проходить не въ дальнемъ оттуда разстояніи, и могъ легко истребить обозъ. Такова, кажется, и было вначалѣ его намѣреніе, но не знаю, почему онъ его не исполнилъ.

Самая ясная полночь, какую я когда либо запомню, блистала надъ нами. Но зрѣлище чистаго неба и ясныхъ звѣздъ, не могло меня успокоить: я былъ полонъ страха и ожиданія. Можно-ли меня упрекать въ этомъ? Будучи проповѣдникомъ мира, я вовсе не былъ воспитанъ для войны. Что-то здѣсь будетъ завтра въ этотъ часъ? думалъ я. Останусь-ли я живъ или нѣтъ? Но сотни людей, которыхъ я зналъ, и многіе друзья мои погибнутъ навѣрно; или, можетъ быть, въ мученіяхъ, они будутъ молить Бога о смерти!

Эти ощущенія были такъ тяжелы, что лучше бы пуля сжалилась надо мною, и раздробила мое тѣло. Но вотъ подошелъ ко мнѣ офицеръ, и сказалъ растроганнымъ голосомъ: „Господинъ пасторъ! Я и многіе мои товарищи желаемъ теперь изъ вашихъ рукъ пріобщиться Св. Таинъ. Завтра, можетъ быть, насъ не будетъ въ живыхъ, и мы хотимъ примириться съ Богомъ, отдать вамъ цѣнныя вещи, и объявить послѣднюю нашу волю".

Взволнованный до глубины души, я поспѣшилъ приступить къ таинству. Обозъ былъ уложенъ, палатки не было, и я пріобщалъ ихъ подъ открытымъ небомъ, а барабанъ служилъ мнѣ жертвенникомъ. Надъ нами разстилалось голубое небо, начинавшее свѣтлѣть отъ приближенія дня. Никогда такъ трогательно, и, думаю, такъ назидательно, не совершалъ я таинства. Молча разстались со мною офицеры; я принялъ ихъ завѣщанія, дорогія вещи, и многихъ, многихъ изъ этихъ людей видѣлъ въ послѣдній разъ. Они пошли умирать, напутствуемые моимъ благословеніемъ.

Ослабѣвъ отъ сильнаго душевнаго волненія, я крѣпко заснулъ, и спалъ до тѣхъ поръ, пока солдаты наши не разбудили меня криками: „Прусакъ идетъ." Солнце уже ярко свѣтило; мы вскочили на лошадей, и съ высоты холма я увидалъ приближавшееся къ намъ прусское войско; оружіе его блистало на солнцѣ; зрѣлище было страшное. Но

я былъ отвлеченъ отъ него на нѣсколько мгновеній.

Протопопъ, окруженный попами и множествомъ слугъ, съ хоругвями, ѣхалъ верхомъ по внутренней сторонѣ четыреугольника, и благословлялъ войско; каждый солдатъ, послѣ благословенія, вынималъ изъ-за пояса кожаную манерку, пилъ изъ нея, и громко кричалъ: ура, готовый встрѣтить непріятеля.

Никогда не забуду я тихаго, величественнаго приближенія прусскаго войска. Я желалъ бы, чтобъ читатель могъ живо представить себѣ ту прекрасную, но страшную минуту, когда прусскій строй вдругъ развернулся въ длинную кривую линію боеваго порядка. Даже Русскіе удивлялись этому невиданному зрѣлищу, которое, по общему мнѣнію, было торжествомъ тогдашней тактики великаго Фридриха. До насъ долеталъ страшный бой прусскихъ барабановъ, но музыки еще не было слышно. Когда же прусаки стали подходить ближе, то мы услыхали звуки гобоевъ, игравшихъ извѣстный гимнъ: Ich bin ja, Herr, in deiner Macht (Господи, я во власти Твоей). Ни слова о томъ, что я тогда чувствовалъ; но я думаю, никому не покажется страннымъ, если я скажу, что эта музыка впослѣдствіи, въ теченіи моей долгой жизни, всегда возбуждала во мнѣ самую сильную горесть.

Пока непріятель приближался шумно и торжественно, Русскіе стояли такъ неподвижно и тихо, что, казалось, живой души не было между ними. Но вотъ раздался громъ прусскихъ пушекъ, и я отъѣхалъ внутрь четыреугольника, въ свое углубленіе.

Глава VIII.

Казалось, небо и земля разрушались. Страшный ревъ пушекъ и пальба изъ ружей ужасно усиливались. Густой дымъ разстилался по всему пространству четыреугольника, отъ того мѣста, гдѣ производилось нападеніе. Черезъ нѣсколько часовъ сдѣлалось уже опасно оставаться въ нашемъ углубленіи. Пули безпрестанно визжали въ воздухѣ, и скоро стали попадать и въ деревья, насъ окружавшія; многіе изъ нашихъ влѣзли на нихъ, чтобы лучше видѣть сраженіе, и мертвые и раненые падали оттуда къ ногамъ моимъ. Одинъ молодой человѣкъ, родомъ изъ Кёнигсберга—я не знаю ни имени его, ни званія,—говорилъ со мной, отошелъ четыре шага, и былъ тотчасъ убитъ пулей въ глазахъ моихъ. Въ ту же минуту казакъ упалъ съ лошади, возлѣ меня. Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ, держа за поводъ мою лошадь, и не зналъ, на что рѣшиться; но скоро я выведенъ былъ изъ этого состоянія. Прусаки прорвали наше каре, и прусскіе гусары, Малаховскаго полка, были уже въ тылу Русскихъ.

Ждать-ли мнѣ было вѣрной смерти, или вѣрнаго плѣна на этомъ мѣстѣ? Я вскочилъ на лошадь, бросилъ все, и поѣхалъ въ ту часть боевой линіи, куда Прусаки еще не проникли. Русскій офицеръ, стоявшій при выходѣ изъ четыреугольника, окликнулъ меня словами: „Кто ты такой?“ Я могъ уже порядочно понимать по русски, и отвѣчалъ, что я полковой лютеранскій пасторъ.—„Куда же чортъ тебя несетъ?“—Я спасаю жизнь свою!—„Назадъ; отсюда никто не смѣетъ выѣхать!“ Получивъ такой отвѣтъ, я долженъ былъ воротиться на прежнее мѣсто.

Только что я доѣхалъ туда, какъ бригадиръ фонъ С***, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Господинъ пасторъ, я получилъ двѣ тяжелыя раны, и не могу больше оставаться въ строю; прошу васъ, поѣдемте искать удобнаго мѣста для перевязки.“ Я передалъ ему, какъ трудно выѣхать изъ каре.— Ничего.—

И я снова сѣлъ на лошадь; бригадиръ съ трудомъ посаженъ былъ на свою, и мы отправились.

Офицеръ опять не хотѣлъ пропускать. „Ступай на прежде туда, гдѣ я былъ,“ сказалъ ему бригадиръ; но эти слова не помогли. Тогда фонъ С*** возвысилъ голосъ: Именемъ всепресвѣтлѣйшей нашей государыни, которая заботится о своихъ раненыхъ слугахъ, я, бригадиръ, приказываю тебѣ пропустить насъ.

Офицеръ сдѣлалъ честь при имени государыни, и мы проѣхали.

Былъ часъ по полудни, а битва между тѣмъ страшно усиливалась. Мы ѣхали въ толпѣ народа, оглашаемые крикомъ раненыхъ и умирающихъ, и преслѣдуемые прусскими пулями. При выѣздѣ нашемъ изъ четыреугольника, пуля попала въ казацкій котелокъ, и надѣлала такого звона, что я чуть совсѣмъ не потерялся.

За рядами боеваго порядка опасность была не такъ велика, но многолюдство было тоже самое. Черезъ нѣсколько минутъ мы подъѣхали къ лѣсу, и нашли тамъ раненыхъ и нераненыхъ офицеровъ съ прислугою. Такъ какъ прусскіе разъѣзды все еще были близко, то надо было искать другаго, болѣе безопаснаго мѣста. Но куда ѣхать? Сторона была незнакомая, картъ у насъ не было; предстояло ѣхать на удачу. Одинъ поручикъ, можетъ быть самый храбрый изъ насъ, объявилъ, что онъ поѣдетъ на розыски, и приглашалъ меня съ собою. Я согласился, почувствовавъ себя нѣсколько бодрѣе вдали отъ опасности.

Мы скоро пріѣхали къ болоту, поросшему кустарникомъ, гдѣ скрывались непріятельскіе мародеры, которые сдѣлали по насъ три выстрѣла, но не попали. Мы поѣхали дальше, и благополучно прибыли въ какую-то деревню, кажется *Пордорфъ*. Но здѣсь опять на насъ посыпались выстрѣлы изъ за садовыхъ плетней, и заставили воротиться.

На мѣстѣ, гдѣ остались наши товарищи, мы не нашли уже никого; только лошади, совсѣмъ навьюченные, валялись еще покинутые въ болотѣ. Мы нашли своихъ товарищей недалеко оттуда, и соединились съ ними, чтобъ дальше продолжать наши поиски. Скоро выѣхали мы на большую дорогу: намъ показалось, что она тоже ведетъ къ Пордорфу, и увидавъ въ сторонѣ другую деревню, мы направились къ ней. Не видно было ни непріятельскихъ форпостовъ, ни часовыхъ. Покойно ѣхали мы вдоль прекрасныхъ заборовъ, окружавшихъ сады этой деревни, вдругъ изъ узкаго прохода, между двухъ садовъ, бросилась на насъ толпа прусскихъ солдатъ; они схватили за поводья нашихъ лошадей, объявили насъ плѣнными, и привели въ деревню.

Глава IX.

Въ этой деревнѣ расположены были прусскіе хлѣбопеки, и при нихъ охранная команда, которая и взяла насъ въ плѣнъ. Деревенскій староста размѣстилъ насъ по домамъ, послали увѣдомить о насъ главную квартиру, и въ тотъ же вечеръ явились гусары и драгуны, которымъ велѣно было отвести насъ во внутреннія области Пруссіи. Мы должны были выступить съ разсвѣтомъ. Равнымъ даны были повозки, а мнѣ позволили ѣхать на моей лошади, но и ту мнѣ пришлось брать съ боя. Провіантскій комиссаръ Д***, хорошо мнѣ знакомый еще въ Кёнигсбергѣ, гдѣ отецъ его имѣлъ казенное мѣсто, не отдавалъ мнѣ лошади на томъ основаніи, что она принадлежитъ ему по праву военной добычи. „Г-нъ Д***, сказалъ я спокойно, я охотно бы уступилъ вамъ, если бы вы были военный человѣкъ, но

ваше оружіе — перо. Право добычи пожалуй еще принадлежитъ солдату, но если чиновникъ вздумаетъ имъ пользоваться, то онъ явный грабитель. Впрочемъ возьмите мою лошадь. Она стоитъ сто рублей, но помните, что вашъ отецъ въ Кенигсбергѣ втрое заплатитъ мнѣ за нее; вѣдь русскому главнокомандующему стоитъ только написать объ этомъ къ тамошнему губернатору.“ Послѣ этихъ словъ, мой противникъ со стыдомъ удалился, а я сѣлъ на свою лошадь при громкомъ смѣхѣ прусскихъ офицеровъ.

Намъ приходилось проѣзжать по полю сраженія, гдѣ лежали еще убитые и чуть живые раненые; стоны ихъ надрывали мнѣ сердце. Въ городкѣ *Дамме* мы нашли многихъ Русскихъ, прежде насъ взятыхъ въ плѣнъ. Въ числѣ ихъ находился одинъ смертельно раненый бригадиръ, который, узнавъ о моемъ прибытіи, пожелалъ пріобщиться Св. Таинъ. Но даровъ со мной не было; мое имущество, вещи и бумаги офицеровъ, двѣ тысячи собственныхъ денегъ — все это было брошено въ обозѣ на произволъ судьбы; я обратился къ мѣстному пастору съ просьбою одолжить мнѣ священные сосуды. Но онъ отказалъ мнѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, за то ли, что я проповѣдывалъ вѣру Христову врагамъ моего отечества, или, можетъ быть, ему самому хотѣлось получить деньги за исполненіе требы. Я ушолъ отъ него въ большой досадѣ, твердо рѣшившись во что бы то ни стало причастить умирающаго. Весьма естественно, что я, по слабости человѣческой, очень былъ разсержекъ. Но благодареніе Богу, тотчасъ же представился случай, который меня совершенно успокоилъ и примирилъ съ людьми. Я встрѣтилъ христіанскія чувства и искреннее доброжелательство въ простомъ, неученомъ человѣкѣ, и вдобавокъ къ непріязедѣ. Проходя отъ пастора, я увидалъ плѣнныхъ русскихъ солдатъ, которыхъ впредь до дальнѣйшаго распоряженія держали на церковномъ дворѣ; исхудалые, съ тупымъ выраженіемъ на лицахъ, стояли они, прислонясь къ монастырской стѣнѣ. Передо мной шолъ, опираясь на костыль, высокій прусскій гренадеръ, съ прострѣленной ногой; онъ несъ подъ мышкой большой хлѣбъ, и ѣлъ его съ аппетитомъ. Одинъ изъ русскихъ солдатъ съ завистью поглядѣлъ на него, и прищелкнувъ языкомъ, произнесъ, какъ умѣлъ, по нѣмецки: „Братецъ Прусакъ, мнѣ очень ѣсть хочется.“ Гренадеръ важно остановился, досталъ изъ кармана ножикъ, отрѣзалъ Русскому половину хлѣба, и съ достоинствомъ сказалъ: „Ты, можетъ быть, такой же молодецъ, какъ и я.“ Этотъ поступокъ заставилъ меня забыть жестокосердаго пастора.

Когда насъ вели въ Кюстринъ, къ намъ вышли изъ лѣсу бѣглые русскіе солдаты, томимые голодомъ, и отдались въ плѣнъ.

Въ Кюстринѣ насъ помѣстили въ казематахъ.

Глава X.

Мнѣ пришлось жить съ грубыми офицерами, которыхъ образъ жизни и привычки поселяли во мнѣ отвращеніе; я постарался сыскать себѣ другихъ товарищей, и перешолъ въ бывшую караульню, гдѣ правда, послѣ пожара, не оставалось ни оконъ ни дверей, но все таки мы помѣстились отдѣльно, и устроились по мѣрѣ возможности.

На другой день, я пошолъ по городскому валу, и съ истинной горестью разсматривалъ разоренный городъ; густой дымъ и тумани разстилались повсюду; пожаръ еще не совсѣмъ потухъ, такъ что мы, для своихъ нуждъ, пользовались горящими угольями съ дымящихся развалинъ. Когда я шолъ въ раздумьѣ возлѣ одного казамата, оттуда вышелъ молодой, незнакомый мнѣ, русскій офицеръ, и сталъ умываться. „Кто вы?“ спросилъ онъ меня. Я учтиво назвалъ ему себя. „Плохо же вы молились Богу, что мы проиграли сраженіе,“ сказалъ онъ мнѣ. — „Можетъ быть, вы плохо сражались или у насъ не было толку въ распоряженіяхъ,“ отвѣчалъ я съ сердцемъ на эту выходку. Онъ засмѣялся, а другіе офицеры, мои знакомцы, позвали меня въ казаматъ. — „Вѣрно вамъ позволятъ пройти изъ крѣпости въ предмѣстье, г. пасторъ, сказали они; возьмите двухъ человѣкъ и купите намъ провизіи. У насъ нѣтъ ничего, кромѣ денегъ, а съ ними, хоть и въ плѣну, все таки можно было бы пожить повеселѣе.“ Я не могъ не согласиться на эту просьбу; они надавали мнѣ вдоволь денегъ, и я отправился; у воротъ меня опросили и безъ всякаго затрудненія выпустили изъ крѣпости. Накупивъ, что было нужно, даже то, безъ чего можно было обойтись, я шелъ обратно, какъ въ крѣпостныхъ воротахъ, по приказанію коменданта, полковника Шака, меня взяли подъ караулъ, и отвели къ нему подъ конвоемъ двухъ солдатъ и капрала.

Комендантъ долго и строго распрашивалъ меня, но потомъ вѣжливо отпустилъ, проси кавѣщать его; разныя обстоятельства помѣшали мнѣ воспользоваться этимъ приглашеніемъ.

Изъ провизіи, которую я принесъ, приготовили славный обѣдъ; за столомъ было много знакомыхъ и незнакомыхъ мнѣ лицъ; и тутъ то не безъ страха замѣтилъ я, что молодого человѣка, съ которымъ я говорилъ утромъ, пока онъ умывался, называли, ваше превосходительство, и что онъ генералъ-лейтенантъ Чернышевъ (*). Я подошелъ къ нему, и сталъ извиняться, что говорилъ съ нимъ слишкомъ свободно. На это онъ мнѣ сказалъ съ улыбкою въ отвѣтъ: „Я люблю такихъ добрыхъ и смѣлыхъ молодыхъ людей, какъ вы.“

Мы пробыли въ казаматѣ три дня, по прошествіи которыхъ генералы, а вмѣстѣ съ ними и я, получили квартиры въ предмѣстьѣ, гдѣ намъ было гораздо лучше. Здѣсь видѣлъ я одну изъ страшныхъ жертвъ войны: русскій солдатъ, у котораго одна нога была почти оторвана, другая совсѣмъ раздроблена, приползъ кое какъ въ Кюстринъ. Не смотря на ожесточеніе противъ Русскихъ, его заботливо передали попеченіямъ хирурга, и я присутствовалъ при операціи. Пока рѣзали ему ногу кривымъ ножемъ, онъ твердо выносилъ страданія; но когда стали пилить кость, онъ испускалъ страшные крики, заставившіе меня отвернуться.

Послѣ этого, возвратясь домой, я имѣлъ счастіе видѣть нашего великаго короля Фридриха, ѣхавшаго верхомъ по предмѣстью, въ сопровожденіи значительной свиты. Всѣ русскіе плѣнные бросились къ окнамъ поглядѣть на героя XVIII столѣтія; генералъ-лейтенантъ Чернышевъ такъ же стоялъ у окна; онъ хотѣлъ, кажется, чтобъ его замѣтили, и скорѣе отпустили изъ плѣна. Но поровнявшись съ окномъ, гдѣ онъ стоялъ, король, кажется, съ намѣреніемъ отвернулся. За то оберъ гофмейстеръ, ѣхавшій не въ дальнемъ разстояніи, вѣрно по приказанію короля, обратился къ Чернышову съ такими словами: „Узнаете ли вы свою лошадь, ваше превосходительство? Ручаюсь вамъ, что ее будутъ беречь, пока не возвратятъ хозяину.“ Всѣ мы одинаково объяснили эти слова. Король ясно далъ понять, какъ онъ намѣренъ поступить съ взятымъ плѣнникомъ, и въ тоже время нисколько не уронилъ своего достоинства.

Три недѣли моего содержанія въ Кюстри-

(*) Гр. Захаръ Григорьевичъ.

ну прошли не скучно, но только тѣмъ непріятно, что я не имѣлъ никакого умственнаго занятія. По истеченіи этого времени, меня неожиданно потребовали въ крѣпость къ коменданту полковнику Шаку. У крыльца его стояла повозка; но я не могъ думать, что она приготовлена для меня. Комендантъ дружески поговорилъ со мной, и отобравъ отъ меня нѣкоторыя свѣденія, велѣлъ тотчасъ ѣхать въ лагерь, находившійся возлѣ самаго города. Я чрезвычайно испугался, и почтительно спросилъ коменданта, зачѣмъ я тамъ нуженъ. Онъ отвѣчалъ улыбаясь, что не знаетъ, но полагалъ, что мнѣ не сдѣлаютъ никакой непріятности, и что обо всемъ я узнаю отъ генералъ-лейтенанта графа Дона.

Офицеръ сѣлъ въ повозку рядомъ со мной, унтеръ-офицеръ на козлы. Къ вечеру прибыли мы въ главную квартиру, и тотчасъ были допущены къ графу Дона, который принялъ меня еще лучше. Онъ объявилъ, что меня размѣняли по высочайшему повелѣнію, и что я тотчасъ долженъ ѣхать въ русскій лагерь. Я просилъ отсрочки до завтра. Но мнѣ отвѣчали, что это было противно приказу. Я просилъ хоть часъ времени для отдыха, въ этомъ мнѣ не отказали.

Въ полночь, состоявшій при штабѣ трубачь Малаховскаго полка разбудилъ меня, привелъ осѣдланную лошадь, и мы поѣхали.

Глава XI.

Прибывъ въ прусскій лагерь, я получилъ позволеніе отдохнуть въ палаткѣ у маркитанта, который обошелся со мной, какъ добрый землякъ. Но скоро надо было ѣхать дальше въ Ландсбергъ, гдѣ находился еще русскій аріергардъ. Ночь была очень темна, а трубачь мой не зналъ дороги. Мы увидали въ сторонѣ огонекъ, подъѣхали къ нему, онъ свѣтилъ изъ мельницы. Трубачь началъ страшно стучаться въ дверь и разбудилъ мельника. Когда онъ впустилъ насъ, мы сказали, кто мы, и трубачь попросилъ огня закурить трубку. Потомъ схватилъ мельника за воротъ, приказывая быть нашимъ проводникомъ.

Напрасно мельникъ противился, напрасно говорилъ, что дорога въ Ландсбергъ не безопасна отъ казаковъ; трубачь навелъ на него пистолетъ, и мельникъ принужденъ былъ показывать намъ дорогу, идя между лошадью трубача и мною.

Но чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ больше трубачь мой начиналъ трусить. Дорога шла по кустарникамъ и зарослямъ. Знаете-ли вы по русски? спросилъ онъ голосомъ, похожимъ на паденіе ртути въ барометрѣ, если только можно съ чѣмъ нибудь сравнивать звуки или черты лица. Я отвѣчалъ, что былъ при арміи очень короткое время, и никакъ не съумѣю объясниться съ Русскими.—„Такъ плохо наше дѣло,“ сказалъ онъ, и въ эту самую минуту надъ нами раздался страшный крикъ: „кто идетъ?“

Насъ тотчасъ окружила толпа казаковъ. Мельникъ исчезъ, и я больше не видалъ его никогда. Мой проводникъ затрубилъ, чтобы показать, что онъ парламентёръ; но его или не поняли, или не хотѣли понять; схватили насъ, отвели въ кусты и совсѣмъ ограбили; даже взяли у трубача его трубу. На наше горе, мы никакъ не могли объяснять, кто мы такіе. Но хуже всего было то, что намъ еще грозили нагайками, чтобы заставить насъ молчать.

Такъ мы стояли совсѣмъ ограбленные, когда подъѣхала другая толпа казаковъ, вѣрно съ намѣреніемъ взять себѣ часть отнятой у насъ добычи. Мы съ трубачемъ начали тогда кричать и жаловаться по нѣмецки. По

счастью, кто-то изъ новоприбывшихъ понялъ насъ, заговорилъ со мною по нѣмецки, а какъ только узналъ, что я пасторъ главнаго штаба, тотчасъ объявилъ объ этомъ другимъ. На хорошемъ театрѣ сцена не мѣняется такъ быстро, какъ она измѣнилась въ ту минуту. Казаки упали передо мной на колѣни, а офицеръ сталъ упрашивать, чтобы мы не доложили главнокомандующему объ этомъ происшествіи. Всѣ отнятыя вещи были намъ возвращены, и казаки въ значительномъ числѣ проводили насъ въ Ландсбергъ. Въ разстояніи четверти часа отъ города мы проѣзжали казачій лагерь, видъ котораго на первый взглядъ имѣлъ въ себѣ что-то романическое. На большой равнинѣ, безпорядочными рядами разбросаны были соломенныя хижины; надъ ними, въ прозрачномъ небѣ, горѣли звѣзды и освѣщали картину.

Мы прибыли въ Ландсбергъ еще до разсвѣта. Трубачу завязали глаза, и повели насъ къ коменданту, полковнику Хуматову (*). Онъ тотчасъ всталъ, отпустилъ трубача, давъ ему 25 рублей награжденья, и велѣлъ казакамъ проводить его въ прусскій лагерь; мнѣ же, по моей просьбѣ, отведена была моя прежняя квартира въ почтовомъ домѣ.

Легко можно себѣ представить, что послѣ такого утомленія, лежа въ чистыхъ и мягкихъ перинахъ, я тотчасъ заснулъ самымъ глубокимъ сномъ. Однако же не на долго. Сильный шумъ разбудилъ меня. Начинало свѣтать, и слышна была музыка. Вотъ произносятъ мое имя, на мигъ замолкла музыка, и снова раздалась, сливаясь съ громкими криками ура. Я вскакиваю съ постели, спрашиваю и узнаю, что общество офицеровъ, изъявляя свою радость по случаю моего возвращенія изъ плѣна, привѣтствуетъ меня такимъ образомъ. Мы радостно обнялись, и славно и весело позавтракали.

Не успѣли мы вдоволь наговориться, какъ пришло приказаніе отъ полковника Хуматова выступать аріергарду, на соединеніе съ авангардомъ. Все было въ самомъ лучшемъ порядкѣ, и въ 11 часовъ утра мы шли уже походомъ.

Съ наступленіемъ вечера мы пришли на ночлегъ въ какую то деревню; въ ней могъ помѣститься только штабъ, а при немъ и я. Деревня представляла грустный видъ опустошенія; ни живой души, дома пусты, разграблены, съ разбитыми окнами и дверьми. Прекрасный владѣльческій замокъ былъ также разграбленъ, а дорога къ пасторскому дому обозначалась разбросанными книгами. Домъ, напротивъ квартиры Хуматова, который мнѣ отвели, особенно пострадалъ: чего нельзя было увести, было въ немъ разбито и разломано; перины распороты, пухъ — по всей комнатѣ. Я отыскалъ коморку, гдѣ еще можно было расположиться, легъ на связку соломы, велѣлъ лечь вокругъ себя состоявшимъ при мнѣ казакамъ, и проспалъ покойно нѣсколько часовъ.

Вдругъ раздались крики: пожаръ! пожаръ! Я въ испугѣ вскочилъ, и увидалъ сосѣдній домъ въ пламени. Чадъ и дымъ наполняли мою комнату. Буря ревѣла и усиливала опасность. Я отворилъ двери въ большую комнату, но пламя мнѣ навстрѣчу; боковая дверь спасла меня и казаковъ. Я успѣлъ вынести кое-что изъ платья, да медвѣжью полость, подаренную мнѣ полковникомъ Хуматовымъ. Все остальное погибло. Огонь занялся вслѣдствіе неосторожно закрытаго камина; потушить его не было возможности, и семь домовъ сгорѣло. Но вотъ что было ужасно: во время пожара раздались ружейные выстрѣлы, и имѣли пагубныя послѣд-

(*) Выше Тетге называетъ его von Kumatoff, а теперь *Chumatoff*; конечно настоящее имя — *Хуматовъ*.

ствія для спасавшихъ свое имущество. Эти выстрѣлы вѣроятно произошли отъ того, что жители, оставляя деревню, спрятали въ крышахъ свои ружья, которыя отъ жару разряжались.

Тревога не дала мнѣ отдохнуть и въ эту ночь. На разсвѣтѣ мы едва успѣли собрать спасенныя вещи и приготовиться къ дальнѣйшему походу.

Глава XII.

Мы выступили тотчасъ послѣ полудня. Съ провожатыми изъ казаковъ, я прибылъ поздно ночью въ Пиринъ, гдѣ находилась главная квартира, и потому тотчасъ не могъ видѣть графа. На слѣдующее утро я узналъ отъ него, что все мое имущество, вмѣстѣ съ цѣлымъ обозомъ, пропало въ сраженіи при Цорндорфѣ, и что уцѣлѣла только моя повозка, которую мнѣ возвратятъ въ Маріенвердеръ; при этомъ графъ обѣщалъ позаботиться обо всемъ, для меня нужномъ. Въ самомъ дѣлѣ, по его милости, я получилъ чистое бѣлье, на другой день, когда мы ночевали въ Штаргартѣ, и полную пасторскую одежду, къ чему графъ прибавилъ еще немалую сумму денегъ.

Мы пошли въ Маріенвердеръ на зимовыя квартиры.

Такъ какъ мнѣ надо было одѣться прилично моему званію, то я поѣхалъ для этого въ Данцигъ. Еще передъ выѣздомъ узналъ я, что графъ Ферморъ получилъ отъ императрицы Елизаветы указъ, повелѣвавшій ему принести оправданіе въ дурныхъ послѣдствіяхъ Цорндорфскаго сраженія. Не знаю, было-ли его оправданіе неудовлетворительно, или другія обвиненія возбудили къ нему общее недовѣріе; только я уже не засталъ его, возвратясь изъ Данцига. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ по высочайшему повелѣнію, для личныхъ объясненій. Могъ-ли я предчувствовать, что скоро за нимъ послѣдую?

Глава XIII.

Графъ Ферморъ уѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1759 года. Жизнь моя на зимовыхъ квартирахъ проходила счастливо. Перемиріе дало намъ возможность отдохнуть; къ тому же я былъ на родинѣ, въ родительскомъ домѣ. Пріятная и спокойная жизнь и надежды на ясную будущность дѣлали меня совершенно счастливымъ.

Такимъ образомъ я и не думалъ о войнѣ; но вѣроятно было, что она снова начнется, потому что приближалась весна. Насталъ постъ. Прилетѣлъ жаворонокъ, показались цвѣты и растенія. Солдатъ чистилъ оружіе, офицеръ расплачивался по своимъ счетамъ и снаряжалъ повозку. Всѣ готовились, ожидая приказа къ выступленію. Я тоже привелъ свои вещи въ порядокъ, и нисколько не ожидалъ несчастія.

Въ одинъ четвергъ, постомъ, я получилъ приказаніе говорить на завтра проповѣдь, по случаю какого-то табельнаго праздника, занимался до поздней ночи, и легъ спать съ покойной совѣстью.

Отъ усталости я заснулъ сладкимъ сномъ, но страшный стукъ въ наружную дверь дома разбудилъ меня. Я прислушиваюсь, стукъ прекратился. Такъ какъ я жилъ въ домѣ аптекаря, къ которому часто приходили ночью за лекарствомъ, то этотъ шумъ не удивилъ меня, и я готовъ былъ опять заснуть. Но послышался шумъ на лѣстницѣ, ведущей въ мою комнату. Къ моей двери подходило нѣсколько человѣкъ, и она отворилась.

Полковой пасторъ дома? спросилъ кто-то, казалось, знакомымъ мнѣ голосомъ.

Я отвѣчалъ: „Да! Что случилось?“

Мы принесли къ вамъ офицера, раненаго на дуэли, онъ хочетъ пріобщиться Св. Таинъ.

— „Велите принести огня!“ А между тѣмъ я сталъ поспѣшно одѣваться.

Только что принесли огонь, какъ кто-то сзади схватилъ меня за руки, сильно загнулъ ихъ назадъ и хотѣлъ связать веревкой. Въ той мысли, что на меня напали разбойники, я рванулся изо всѣхъ силъ (а я тогда былъ довольно силенъ), и повалилъ схватившаго меня на полъ. Я удивляюсь, какъ послѣ этого меня оставили въ покоѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, когда у меня просвѣтлѣло въ глазахъ, я увидалъ вдоль стѣнъ моей комнаты около пятнадцати солдатъ со штыками. Впереди ихъ стоялъ генералъ-маіоръ Ф. Штоффель.

Г. генералъ, почему такъ обходятся со мной? спросилъ я. Но генералъ отошелъ назадъ, гвардейскій поручикъ выступилъ на его мѣсто и сказалъ:

Именемъ всепресвѣтлѣйшей императрицы Елизаветы, васъ велѣно взять подъ стражу.

— Такъ вы сказали бы мнѣ это прежде, чѣмъ наносить мнѣ подобныя оскорбленія! Кто ни въ чемъ не виноватъ, тому ненужно спасаться бѣгствомъ, да и кажется я не въ состояніи убѣжать отсюда.

Поручикъ сталъ чрезвычайно вѣжливъ. „Сядьте, господинъ пасторъ, и придите въ себя“, говорилъ онъ; „мы не намѣрены были непутять васъ; пожалуста, отвѣчайте мнѣ; я буду васъ спрашивать по указу всемилостивѣйшей государыни.“

— Спрашивайте! я буду отвѣчать по долгу и совѣсти.

— „Гдѣ ключи отъ вашего сундука, стола и т. д.?“ — Подъ подушкой.

Онъ молча отперъ все, что было подъ ключемъ, осмотрѣлъ самымъ внимательнымъ образомъ, взялъ мои черновыя проповѣди, письма, однимъ словомъ, все писанное, велѣлъ разослать на полу простыню, завернулъ въ нее всѣ бумаги и запечаталъ семью печатями. Потомъ вѣжливо поблагодарилъ меня, увелъ съ собой солдатъ, оставивъ только одного сержанта и двухъ гвардейцевъ, которые, какъ я послѣ узналъ, присланы были нарочно за мною изъ Петербурга.

Я едва успѣлъ одѣться и приготовиться въ неизвѣстную мнѣ дорогу, какъ вернулся офицеръ, и велѣлъ мнѣ за собою слѣдовать. Въ это же время, какъ я узналъ послѣ, опечатали и взяли всѣ бумаги у моего отца; его стащили съ постели, и обошлись съ нимъ гораздо хуже, чѣмъ со мной.

Я вышелъ вслѣдъ за офицеромъ на крыльцо, уставленное солдатами сверху до низу. Всѣ хранили глубокое молчаніе. Я тоже шелъ молча. У крыльца стоялъ кожаный фургонъ, въ который мнѣ велѣно было сѣсть; офицеръ помѣстился возлѣ меня; одинъ гвардеецъ сѣлъ на козлы; другой вмѣстѣ съ сержантомъ поѣхалъ вслѣдъ за нами въ кибиткѣ. Было половина втораго по полуночи, когда мы выѣхали изъ Маріенвердера.

Глава XIV.

Все тише и тише раздавались трещотки ночныхъ сторожей и бой башенныхъ часовъ; потомъ все умолкло въ ночной тишинѣ на пустой дорогѣ.

Кто въ состояніи поставить себя въ мое положеніе, тотъ пойметъ мои тогдашнія чувства, и уважитъ ихъ. Много значило въ то время сдѣлаться арестантомъ по высочайшему повелѣнію; но сдѣлаться имъ безвинно, но ожидать неизвѣстной и неразгаданной участи, — вотъ что могло повергнуть человѣка въ совершенное уныніе. Я обращался съ вопросами къ моему провожатому (онъ

былъ гвардіи преображенскаго полка), и получалъ къ началѣ самые неопредѣленные отвѣты: да или нѣтъ, я думаю, можетъ быть, и тому подобное; но потомъ онъ прямо сказалъ, что ему вовсе неизвѣстна причина моего ареста, и что ему строжайше запрещено говорить со мной объ этомъ предметѣ. Такимъ образомъ я предоставленъ былъ собственнымъ догадкамъ.

Около часа времени прошло такимъ образомъ, и мы пріѣхали въ помѣщичье имѣніе Литшенъ. Офицеръ хотѣлъ остановиться у кабака, чтобы дождаться возвращенія эштафеты, которую, вѣроятно обо мнѣ, онъ послалъ къ генералу Фролову-Багрѣеву. Мнѣ было непріятно въ грязномъ кабакѣ. Я походилъ на больнаго, котораго раздражаетъ всякая муха на стѣнѣ, и проспалъ офицера проѣхать еще милю, и остановиться въ Ризенбургѣ, гдѣ я зналъ, что мы найдемъ лучшее помѣщеніе. Офицеръ былъ такъ вѣжливъ, что на это согласился.

Съ разсвѣтомъ пріѣхали мы въ Ризенбургъ. Мой спутникъ тихо поговорилъ со стоявшимъ у воротъ карауднымъ офицеромъ, который велѣлъ указать намъ квартиру; тамъ жилъ какой-то драгунскій офицеръ; онъ немедленно, безъ всякихъ разговоровъ, и не обративъ на насъ никакого вниманія, очистилъ помѣщеніе. Мнѣ позволили отдохнуть, пока придетъ эштафета, но запретили строжайше съ кѣмъ-нибудь говорить, или подходить къ кому-нибудь. Отъ усталости я бросился на постель, а одинъ изъ солдатъ сталъ у двери съ саблей наголо.

Подкрѣпленный покойнымъ сномъ, я проснулся; было обѣденное время, столъ былъ накрытъ, и мой спутникъ пригласилъ меня обѣдать. Онъ разрѣзывалъ мнѣ кушанье, и потомъ изъ предосторожности бралъ къ себѣ мою вилку и ножикъ.

Въ это время какой-то русскій офицеръ, оттолкнувъ солдата, стоявшаго на часахъ, опрометью вбѣжалъ въ комнату. Но увидя насъ вмѣсто прежняго жильца, остановился въ недоумѣніи.

„Убирайся къ чорту", съ сердцемъ вскричалъ мой офицеръ, вскочивъ съ мѣста, схватилъ незваного гостя за грудь, и вывелъ изъ комнаты.

Я между тѣмъ продолжалъ обѣдать. Вдругъ офицеръ мой, испуганный и блѣдный, какъ смерть, вбѣгаетъ назадъ. Онъ смотритъ на меня, потомъ крестится, потомъ бросается мнѣ на шею. Я спрашиваю, что съ нимъ сдѣлалось; но онъ никакъ не могъ придти въ себя, и только указывалъ мнѣ на ножикъ, оставленный имъ въ поспѣшности на столѣ. „Понимаю васъ, сказалъ я хладнокровно; но вы должны знать, что я христіанинъ, и не вздумаю посягнуть на жизнь свою тѣмъ болѣе, что не знаю за собою вины.

Чувство радости выражается у Русскихъ съ особенною живостью; эту черту народнаго характера я замѣтилъ въ моемъ офицерѣ. Онъ говорилъ, что обязанъ мнѣ жизнію; что если бы я причинилъ себѣ какой-нибудь вредъ, онъ былъ-бы осужденъ на смерть или по крайней мѣрѣ сосланъ въ Сибирь, въ каторжную работу; что теперь онъ самъ начинаетъ убѣждаться въ моей правотѣ, и впередъ будетъ имѣть ко мнѣ больше довѣрія.

Скоро послѣ обѣда пришла эштафета, о содержаніи которой я, разумѣется, ничего не узналъ, и въ четыре часа мы поѣхали дальше. На всѣхъ станціяхъ знали, что мы будемъ проѣзжать, лошади всѣдъ были готовы, и мы ѣхали быстро, какъ ѣздятъ только въ Россіи.

Сонъ и пища подкрѣпили меня. Первый страхъ прошелъ; я конечно былъ грустенъ, но сознаніе моей правоты поддерживало меня. Мы пріѣхали въ Кёнигсбергъ безъ особенныхъ приключеній; въ Риттеркругѣ, гдѣ мы закусывали, увидалъ меня старый мой знакомый, Рейсъ, и поспѣшилъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Но офицеръ мой въ одну минуту схватилъ его и вывелъ изъ комнаты, и вѣрно держалъ подъ карауломъ до нашего отъѣзда. Я больше никогда не видалъ Рейса.

Въ 8 часовъ вечера того же дня мы остановились на дворцовой площади въ Кёнигсбергѣ. Офицеръ пошелъ отдать депеши губернатору Корфу (*). Гвардеецъ остался меня карауднть. Мертвое молчаніе царствовало на площади. Я высунулъ голову изъ повозки, чтобы видѣть знакомыя строенія. Полный мѣсяцъ, заслоняемый бѣгущими облаками, грустно освѣщалъ эти памятники готическаго зодчества; грустно было и мнѣ.

Передо мною возвышалась дворцовая церковь, мнѣ было горестно смотрѣть и на нее. Какъ часто ходилъ я туда учиться у великаго проповѣдника Кванда, какъ располагать, излагать и произносить проповѣди. Но не буду распространяться объ этомъ; читатель, одаренный чувствомъ, представитъ себѣ мое состояніе.

Прошло три съ половиной часа. Я заснулъ и проснулся отъ стука подъѣзжавшей повозки. Офицеръ возвратился, и объявилъ, что сейчасъ надо ѣхать дальше, что мы закусимъ гдѣ нибудь на дорогѣ, и что намъ надо пересѣсть въ повозку, и въ ней помѣститься втроемъ; фургонъ же поѣдетъ сзади, и будетъ служить мнѣ для отдыха.

За Митавой въѣхали мы собственно въ русскіе предѣлы, и я не могъ удержаться отъ вздоха. Воздухъ перемѣнился, весна опять превратилась въ зиму, рѣки стояли подо льдомъ, мы съ трудомъ подвигались, потому что была опять санная дорога.

Уже башни Риги видѣлись издали, когда мы встрѣтили большой поѣздъ, изъ многихъ саней, въ числѣ которыхъ было нѣсколько красиво отдѣланныхъ. Кто это ѣдетъ? спросилъ я своего спутника. Онъ отвѣчалъ мнѣ сердито: „Это графъ Ферморъ; онъ возвращается въ Пруссію къ арміи. Если вамъ жизнь мила, то не показывайтесь изъ повозки и не говорите ни слова." Я повиновался, и поѣздъ моего бывшаго начальника тихо проѣхалъ мимо. Я пожелалъ ему всего лучшаго, и какъ охотно послѣдовалъ бы за нимъ!

На берегу Двины рыбаки объявили, что ледъ слабъ, и что намъ нельзя переѣхать во немъ въ нашихъ повозкахъ. Надо было разбирать ихъ по частямъ, и перевозить на маленькихъ саняхъ. Офицеръ мой такъ захлопотался въ этой переправѣ, что совсѣмъ забылъ обо мнѣ, и я дошелъ одинъ почти до половины рѣки.

Мнѣ было легко убѣжать. Но я не сдѣлалъ этого, а сталъ громко кричать, и едва едва услыхали меня. Офицеръ, увидавъ меня, ужаснулся еще болѣе, чѣмъ въ ту минуту, когда забылъ передо мною ножикъ. Разумѣется, онъ былъ мнѣ истинно признателенъ, всячески льстилъ и угождалъ мнѣ.

Наконецъ, черезъ нѣсколько дней, рядъ загородныхъ дворцовъ возвѣстилъ намъ о близости Петербурга. Эти дворцы принадлежатъ русскимъ знатнымъ людямъ, которые живутъ въ нихъ лѣтомъ. Еще оставалось намъ проѣхать небольшой лѣсъ. Но вотъ и лѣсъ остался за нами, и я увидалъ великолѣпную столицу.

Офицеръ плотно закрылъ фургонъ; мы долго ѣхали по мостамъ и улицамъ, которыхъ мнѣ не позволено было видѣть, и наконецъ остановились въ крѣпости.

Глава XV.

Сердце мое сжалось. Часъ, который я долженъ былъ простоять на крѣпостной пло-

(*) Николай Андреевичъ, впослѣдствіи Петербургскій оберъ-полицмейстеръ.

шили, въ закрытомъ фургонѣ, подъ карауломъ, показался мнѣ вѣчностью. Наконецъ велѣно было подозвать фургонъ, и долженъ былъ выдти, и очутился передъ дверьми казамата.

При входѣ туда меня обдало холодомъ, какъ изъ подвала, непріятнымъ запахомъ и густымъ дымомъ. У меня и такъ голова была не своя отъ страха, но тутъ она закружилась, и я упалъ безъ чувствъ.

Въ этомъ состояніи я лежалъ нѣсколько времени; наконецъ почувствовалъ, что меня подняли и вывели на свѣжій воздухъ. Я глубоко вздохнулъ, открылъ глаза, и увидалъ себя на рукахъ надсмотрщика изъ тайной канцеляріи, которая помѣщалась въ крѣпости. Надсмотрщикъ успокоивалъ и ободрялъ меня. Его немногія слова благотворно на меня подѣйствовали.

Между тѣмъ выпустили дымъ изъ моего каземата, вытопили его, накурили, и я былъ уже въ состояніи осмотрѣть мѣсто, гдѣ мнѣ пришлось прожить два года.

Мой казематъ былъ продолговатый. Въ передней поперечной стѣнѣ его въ углу была дверь; въ той же стѣнѣ, только съ другаго конца его, было единственное окошко; около него, у продольной стѣны, стояла лавка; на ней положили для меня чистый тюфякъ съ двумя чистыми подушками, но безъ всякаго одѣяла, такъ что я долженъ былъ накрываться своей шубой. Далѣе была печь, топившаяся извнутри, въ ней послѣ варилось мое кушанье. У задней поперечной стѣны стояла лавка, на которой спали карауливніе меня солдаты, а надъ дверью висѣло металлическое изображеніе Божіей Матери, передъ которымъ солдаты совершали утреннія и вечернія молитвы. Кромѣ этого въ казематѣ ничего не было; ни стола, ни стула и никакихъ принадлежностей для удобства жизни.

Я безсмысленно разсматривалъ мое жилище, когда меня позвали обѣдать въ одну изъ комнатъ тайной канцеляріи (потомъ я всегда уже обѣдалъ и ужиналъ у себя въ казематѣ). Въ этой комнатѣ я засталъ какого-то важнаго чиновника тайной канцеляріи въ мундирѣ; онъ велѣлъ слугѣ нарѣзать мнѣ мясо, не сказалъ мнѣ ни слова, а по окончаніи обѣда, молча отпустилъ меня. Возвратясь въ казематъ, отъ утомленія и горя я скоро уснулъ самымъ сладкимъ сномъ.

Пасмурное утро глядѣло въ мое незавѣшенное окно, когда меня разбудили, и я въ полумракѣ увидалъ передъ собою человѣка, который не могъ не ужаснуть меня въ моемъ тогдашнемъ настроеніи духа. Маленькій и сморщеный, въ одной короткой рубашкѣ, онъ имѣлъ лицо такое отвратительное, какое рѣдко бываетъ у созданія Божія. Этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ, чтобы я тотчасъ всталъ, одѣлся и слѣдовалъ за нимъ. Въ испугѣ я подумалъ, что этотъ орангутангъ отвезетъ меня по крайней мѣрѣ въ Сибирь. У крыльца увидалъ я коляску и сержанта, который привезъ меня изъ Маріенвердера. Я разъ былъ сержанту, а видъ коляски внушилъ мнѣ надежду, что меня не осудятъ, не давъ оправдаться.

Такъ и было въ самомъ дѣлѣ. Меня повезли; ѣхали болѣе получаса, наконецъ остановились у какого-то дворца, и я отведенъ былъ въ прекрасно-убранную комнату. Двери отворились, и вышелъ господинъ въ зеленомъ мундирѣ, съ голубой лентой, и чрезвычайно ласковый (*).

Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько общихъ вопросовъ, потомъ слѣдующіе главные:

1. Какимъ образомъ поступили вы въ русскую армію и къ графу Фермору?

(*) Если мнѣ не измѣняетъ память, это былъ генералъ-лейтенантъ, графъ Шуваловъ, военный министръ.

2. Какъ попались въ плѣнъ Прусскамъ, и почему такъ скоро были имъ отпущены.

Я откровенно отвѣчалъ на эти вопросы то, что̀ уже извѣстно читателю, только къ отвѣту на послѣдній вопросъ прибавилъ слѣдующее: Полковой пасторъ, безоружный, не считается военнымъ; поэтому меня и отпустили изъ плѣна.

— „Изложите же вашъ длинный разсказъ на бумагѣ, когда воротитесь къ себѣ!“

— „Ваше превосходительство! Тамъ нѣтъ у меня не только пера и чернилъ, но даже стола и стула.“

Онъ какъ будто задумался. „Всего этого не льзя дать вамъ теперь, сказалъ онъ, но съ перемѣною обстоятельствъ приняты будутъ другія мѣры. Если васъ признаютъ невиноватымъ, то вы не будете жаловаться на заточеніе.

Онъ милостиво простился со мною, и вышелъ. Тотчасъ же явился сержантъ, и мы поѣхали обратно въ крѣпость.

Казематъ снова привелъ меня въ ужасъ. Еще со двора увидалъ я, что окно мое было плотно завѣшано такъ, чтобы совсѣмъ не могло пропускать свѣта; казематъ мой тускло освѣщался лампою и свѣчою.

Къ этой непріятности прибавилась новая: вошелъ старый сержантъ, бывшій столько времени моимъ спутникомъ, и объявилъ, что его смѣняютъ, и что на мѣсто его ко мнѣ поступаетъ другой сержантъ и четыре гвардейца. Я разстался съ нимъ нѣжно и трогательно, и больше не видалъ его никогда.

Новый сержантъ былъ по счастью также хорошъ для меня, какъ и прежній. Я живо помню, какъ заботился обо мнѣ этотъ почтенный старикъ. Но онъ могъ только знаками выражать мнѣ свое усердіе, въ теченіе этихъ недѣль самаго строгаго моего заключенія. Жилъ онъ въ другомъ казематѣ, и только входилъ ко мнѣ отъ времени до времени; я же никогда не входилъ туда, гдѣ онъ помѣщался.

Съ новымъ сержантомъ явились четыре гвардейца. Они помолились передъ образомъ Божіей Матери; трое изъ нихъ отошли въ глубину каземата, а одинъ сѣлъ у двери съ саблей наголо.

Съ этой минуты, девять недѣль сряду, я не видалъ свѣта Божія, и не слыхалъ другаго человѣческаго голоса, кромѣ голоса тѣхъ, которые меня допрашивали. Объ нихъ я сейчасъ буду говорить. Гвардейцы же мои были нѣмы, какъ рыбы, и на всѣ мои распросы не отвѣчали мнѣ ни слова. Но гораздо замѣчательнѣе было то, что они и между собою не говорили девять недѣль сряду, и только очень тихо объяснялись знаками. Кто привыкъ жить съ людьми, тотъ представитъ себѣ, что̀ я вытерпѣлъ.

Страхъ и надежда попеременно волновали мою душу. Взобравшись на постель, я завернулся въ шубу, тихо молился и плакалъ. Но сонъ молодости овладѣлъ мною, и я заснулъ, забывъ о своемъ горѣ.

Глава XVI.

На слѣдующее утро я проснулся. Сонъ подкрѣпилъ меня, но надежда не утѣшала. Солдаты молча приготовили мнѣ завтракъ на моей кровати, и потомъ пошли на свое мѣсто убивать время въ полномъ бездѣйствіи. Я почувствовалъ страхъ еще сильнѣе. Молча и безсмысленно сидѣлъ я на постели, глядя неподвижно на тусклую лампу.

Казалось, было около полудня, когда сторожъ внесъ столъ и четыре стула, а вслѣдъ за нимъ вошли трое молодыхъ господъ, чрезвычайно роскошно одѣтыхъ. Видъ ихъ и

обращеніе внушали довѣренность. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ по нѣмецки, что они пришли снять съ меня допросъ.

Допросъ продолжался полчаса, и состоялъ изъ общихъ вопросовъ, предлагаемыхъ обыкновенно всякому подсудимому. Потомъ эти господа ушли, ничѣмъ не обнадеживъ меня, но и не сказавъ ни одного строгаго слова.

Всякое утро, впродолженіи шести дней, производился этотъ допросъ. Кто былъ столько снисходителенъ, что прочелъ мой разсказъ до сихъ поръ, тотъ вѣрно пожелаетъ узнать, о чемъ же меня спрашивали и въ чемъ обвиняли? Но повѣритъ-ли, что меня не обвиняли ни въ какомъ преступленіи, что все слѣдствіе вращалось только около вопросовъ, уже сдѣланныхъ мнѣ министромъ Шуваловымъ, и на которые я уже отвѣчалъ ему подробно и откровенно. Повѣритъ-ли, что кромѣ пустаго письма, о которомъ я дальше упомяну, мнѣ не предъявляли ни одной бумаги для улики, не ставили меня ни съ кѣмъ на очныя ставки, и не приводили противъ меня никакого свидѣтеля. Черезъ шесть дней допросъ кончился, и тѣмъ не менѣе я просидѣлъ два года въ заключеніи.

Давно носились двусмысленные толки о графѣ Ферморѣ и о сраженіи при Цорндорфѣ; многіе, лично меня знавшіе, люди также считали двусмысленнымъ и мое тогдашнее поведеніе, и отношенія мои къ главнокомандующему. Они втайнѣ думали, что русское правительство подозрѣвало меня, будто я, какъ Прусакъ, нарочно отдался въ плѣнъ, чтобы доставить бумаги отъ Фермора къ королю Фридриху, и потомъ нарочно же былъ отпущенъ изъ плѣна для передачи отвѣта.

Но тайныя сношенія Фермора съ Фридрихомъ — такая же неправда, какъ и то, что русское правительство считало меня переметчикомъ. Что я не имѣлъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о вліяніи Фридриха великаго на графа Фермора, этого конечно я не могу доказать ничѣмъ, кромѣ моего честнаго слова, которому не измѣнялъ никогда по милости Божіей; но, какъ современникъ тѣхъ произшествій, рѣшительно нахожу смѣшнымъ все это обвиненіе въ измѣнѣ, возводимое на графа Фермора. Кто былъ свидѣтелемъ Цорндорфскаго сраженія и его послѣдствій, тотъ не повѣритъ толкамъ, посѣяннымъ злонамѣренными людьми, и потомъ довѣрчиво повторенными писаками.

А что русскій дворъ въ сущности никогда не показалъ, что подозрѣваетъ меня въ такой государственной измѣнѣ, то лучшимъ тому доказательствомъ служитъ мое слѣдствіе. Если бы меня считали такимъ важнымъ преступникомъ, то вѣрно дѣлали бы мнѣ строгіе допросы. А между тѣмъ я торжественно объявляю, и объявляю предъ лицемъ вѣчности, къ которой я можетъ быть ближе, чѣмъ къ кому-либо изъ моихъ читателей, что на допросахъ ни слова не упоминалось ни о Фридрихѣ, ни о Ферморѣ.

Но спросятъ, почему же Тетге такъ долго содержался въ Петербургской крѣпости?

Конечно подозрѣніе, а можетъ быть и клевета, были тому причиною. Правительство, ведущее войну, зорко слѣдитъ за всѣмъ, что можетъ повредить ея успѣху, и вслѣдствіе этого бываетъ подозрительно. Клевета — явленіе обыкновенное въ той средѣ людей, гдѣ страсти составляютъ главную пружину дѣйствій, т. е. при дворѣ.

Говорятъ, что графъ Ферморъ, послѣ Цорндорфскаго сраженія, жаловался въ Петербургѣ на одного знатнаго русскаго генерала, что онъ не подалъ ему условленной помощи. Я не могу ручаться за истину этого обстоятельства, такъ какъ графъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ, и я не читалъ объ этомъ никакихъ бумагъ.

Но если дѣйствительно Ферморъ жаловался, то слѣдующее предположеніе весьма вѣроятно. Генералъ могъ считать себя оскорбленнымъ даже въ томъ случаѣ, когда жалоба была справедлива, а еще болѣе, когда она была несправедлива. Генералъ, также какъ и графъ Ферморъ, пользовался милостями императрицы, и былъ русскаго происхожденія, тогда какъ Ферморъ былъ Нѣмецъ. Мать генерала, состоя при дворѣ, пользовалась большимъ довѣріемъ императрицы. При такихъ средствахъ, чего не придумаетъ оскорбленная гордость для своего отмщенія? Весьма легко можно было придумать, будто Ферморъ съ умысломъ взялъ себѣ въ пасторы Прусака, чтобы вѣрнѣе вести измѣну.

И такъ, ни я, ни Ферморъ мы никогда не были объявлены государственными преступниками. Послѣ Семилѣтней войны онъ перешелъ въ Сенатъ, а я получилъ покойное мѣсто.

Одно письмо послужило однако же поводомъ къ строгимъ допросамъ. Когда Русскіе вступили въ Пруссію, у жителей отбиралось оружіе, и братъ мой, у котораго было нѣсколько охотничьихъ ружей, не желая отдать ихъ за безцѣнокъ, отослалъ ихъ въ Польшу, для болѣе выгодной продажи, или для сохранія тамъ, пока кончится война. Между тѣмъ продать ихъ не удалось, а война затянулась. Тогда, не за долго до моего взятія, онъ написалъ мнѣ письмо, и просилъ поискать охотниковъ на эти ружья между русскими офицерами. Я не могъ исполнить его просьбы; не могъ даже отвѣчать ему, потому что скоро послѣ того былъ увезенъ въ Петербургъ. Объ этомъ-то письмѣ дѣлали мнѣ сотни вопросовъ. Но правда всегда останется правдою, и это обстоятельство также не могло послужить къ моему обвиненію.

Такимъ образомъ допросъ мой кончился въ шесть дней. Одинъ изъ трехъ допрашивавшихъ меня молодыхъ людей сказалъ мнѣ самымъ вѣжливымъ и любезнымъ образомъ: „Вы будете признаны правымъ, и мы скоро поздравимъ васъ съ освобожденіемъ:“

Не взирая на то, я просидѣлъ два года въ заточеніи. Но за что же? спроситъ опять читатель. Что мнѣ отвѣчать ему? Всего вѣроятнѣе меня держали въ крѣпости, ожидая, не покажетъ-ли время моей виновности. И вотъ мое тогдашнее предположеніе, въ истинѣ котораго теперь я нисколько не сомнѣваюсь: я сдѣлался жертвою партіи, враждебной графу Фермору; эта партія, какъ я узналъ впослѣдствіи, будучи не въ состояніи повредить ему, хотѣла излить месть свою, по крайней мѣрѣ, на его креатуру, какъ меня называли.

Глава XVII.

Слова, сказанныя мнѣ чиновникомъ по окончаніи допроса, конечно обрадовали меня, но не разсѣяли моихъ опасеній; я все таки не былъ увѣренъ, что мое слѣдствіе совсѣмъ кончено, и считалъ эти слова скорѣе выраженіемъ добраго желанія, нежели дѣйствительнымъ и окончательнымъ приговоромъ. Поэтому понятно, что горесть моя нисколько не уменьшалась, а скудное освѣщеніе и торжественная тишина моей тюрьмы еще болѣе способствовали мрачному настроенію моего духа. Въ моемъ положеніи меня утѣшало то, что мои гвардейцы, хоть и рѣшительно ничего не говорили, но все же исполняли мои желанія. Кромѣ того, по моей просьбѣ, мнѣ дали перину, такъ какъ я имѣлъ привычку спать на ней. Но книгъ и письменныхъ принадлежностей я не могъ добиться, и только черезъ 9 недѣль самаго строгаго заключенія, я получилъ библію. Всѣ-

кій разъ, какъ я просилъ другихъ книгъ у моего сержанта, онъ показывалъ полную готовность исполнить мое желаніе, уходилъ на нѣсколько часовъ, и возвращался, отрицательно махая головою.

Кушанье подавали мнѣ въ изобиліи и очень вкусное. Извѣстно, что въ другихъ странахъ обращались очень сурово съ государственными арестантами, особенно пока они еще были въ подозрѣніи. Я не могу пожаловаться на русскій дворъ въ этомъ отношеніи. Всякій день въ обѣденное время сторожъ приносилъ мнѣ судокъ съ четырьмя отдѣльными кушаньями, чисто и вкусно приготовленными, на ужинъ давали три кушанья, и при этомъ столько вина и пива, что я не могъ всего выпивать. На свои мелкіе расходы я тратилъ собственныя деньги, которыхъ привезъ съ собою около семидесяти рублей. Прислуга удовлетворала моимъ потребностямъ самымъ точнымъ образомъ, но всегда молча. Очень непріятно было ѣсть безъ ножа и вилки; мнѣ приходилось рвать зубами мясо и рыбу; бриться мнѣ также не давали, и по моей привычкѣ къ чистоплотности я долженъ былъ терпѣть всѣ неудобства бороды.

Прибавьте къ этому отсутствіе всякаго развлеченія и общества. Среди глубокаго молчанія, при тускломъ свѣтѣ лампы, что оставалось мнѣ дѣлать, какъ не ходить взадъ и впередъ по казамату и думать? По счастью мнѣ пришло на мысль вести календарь съ помощью найденнаго мною кусочка стекла. Я отмѣчалъ имъ на закопченой стѣнѣ каждый день моего заключенія; обыкновенные дни — маленькой черточкой, воскресенья — черточкой подлиннѣе, а государственные праздники какою нибудь другою фигурой. Даже не забылъ я отмѣтить чертою и особеннымъ знакомъ день моего освобожденія. Заключенные послѣ меня въ моемъ казематѣ, можетъ быть, не разъ смотрѣли на эти знаки. Пусть этотъ календарь питаетъ въ нихъ надежду на освобожденіе.

Черезъ 9 недѣль, вошелъ ко мнѣ высокій и плотный мужчина. Я сидѣлъ на постели, погруженный въ печальныя думы, и, увидя вошедшаго, ужасно испугался. Какъ мнѣ показалось, онъ держалъ что-то подъ широкимъ плащомъ своимъ. Вѣрно онъ палачъ, подумалъ я, и подъ плащомъ у него орудіе казни. Онъ молился на образъ Божіей Матери, а мнѣ казалось, что онъ проситъ у Бога прощенія въ томъ, что долженъ казнить человѣка; потомъ, обратясь къ солдату, стоявшему на часахъ, онъ сказалъ ему: „поставь ружье.“

При этихъ словахъ я лишился послѣдняго мужества. Я понялъ эти слова, и мнѣ казалось, что солдатъ, поставивъ ружье, долженъ схватить меня, связать и предать палачу.

Но солдатъ только сказалъ ему нѣсколько словъ, которыхъ я не понялъ, а онъ ему одно слово: „отопри“. При этомъ словѣ радость блеснула на лицѣ солдата, и онъ произнесъ: „Слава тебѣ Господи, Іисусе Христе!“ потомъ выбѣжалъ за дверь, и снялъ щитъ съ моего окна; а тотъ, кого я принялъ за палача, сказалъ мнѣ ласково: „Вы долго не видали свѣта Божія, такъ посмотрите теперь на него.“ Все это произвело на меня такое впечатлѣніе, что я началъ горько плакать. Я видѣлъ свѣтъ Божій, ясный весенній день; гвардейцы мои прыгали отъ радости, получивъ позволеніе двигаться и говорить по прежнему; мнѣ были сладки звуки человѣческаго голоса, тѣмъ болѣе, что всѣ окружавшіе принимали во мнѣ участіе, и были готовы обо мнѣ заботиться и мнѣ услуживать.

Кто не былъ въ подобномъ положеніи, тотъ не знаетъ, какъ невыразимо счастливитъ такая перемѣна. Она не принесла

мнѣ оправданія и свободы, но я все таки чувствовалъ себя въ ту минуту чрезвычайно счастливымъ.

Глава XVIII.

Моя тюрьма оживилась. Солдаты своею услужливостью какъ бы заставляли меня забыть мои горести. Первый день послѣ этого счастливаго событія прошелъ для меня чрезвычайно быстро въ разговорахъ, суетѣ и бѣготнѣ для приведенія въ порядокъ казамата. Я такъ былъ веселъ, какъ будто получилъ самое выгодное пасторское мѣсто, или достигъ какого-то необыкновеннаго счастья.

Первымъ долгомъ моимъ было позаботиться о чистотѣ: я обрился; потомъ только что подумалъ о несчастномъ состояніи моего бѣлья, какъ явился надсмотрщикъ тайной канцеляріи. Ему поручено было узнать, въ какихъ вещахъ я нуждаюсь, немедленно купить и доставить ихъ мнѣ. Онъ принесъ съ собой бумагу, перо и чернила, чтобы я составилъ списокъ этимъ вещамъ.

Письменныя принадлежности были для меня въ ту минуту самыми пріятными вещами. Я тотчасъ смекнулъ, сколько у меня оставалось денегъ и какія мнѣ нужно вещи, записалъ ихъ, и оказалось, что моихъ денегъ не хватало. Я замѣтилъ это надсмотрщику, но тотъ съ живостью отвѣчалъ: „Кто вамъ сказалъ, что вы будете тратить хоть копѣйку изъ вашихъ собственныхъ денегъ? Государыня богата, и она всемилостивѣйше повелѣла доставить вамъ все, что вы ни потребуете.“ Тогда я записалъ еще нѣсколько вещей, которыя были мнѣ доставлены въ тотъ же день послѣ обѣда.

Если мои скромныя слова могутъ почтить похвалою высшее русское правительство, то я признаюсь, что не ожидалъ такого хорошаго содержанія въ казаматѣ. Мнѣ отпускали ежедневно полтинникъ на столъ, а этого было слишкомъ достаточно при тогдашней дешевизнѣ; фунтъ лучшаго мяса стоилъ двѣ копѣйки, такъ что я могъ еще откладывать деньги. Но всего важнѣе было, что я получилъ немедленно и безденежно всѣ необходимыя и служившія къ моему удобству вещи; мнѣ стоило лишь попросить ихъ; за то книгъ, перьевъ, бумаги и чернилъ мнѣ не давали во все время.

Съ перваго же дня этой новой жизни, я, по совѣту сержанта, сталъ самъ себя продовольствовать. По моей просьбѣ тайная канцелярія выдавала мнѣ на руки кормовыя деньги, и у меня оказывался небольшой остатокъ отъ расходовъ каждаго мѣсяца.

Съ этихъ поръ я не имѣлъ недостатка въ занятіяхъ. Мнѣ доставляло ихъ мое маленькое хозяйство, и четыре гвардейца исполняли мои порученія. Замѣчу кстати, что они оставались при мнѣ безсмѣнно до конца моего содержанія въ крѣпости.

Въ первые 9 недѣль мои сторожа не только не смѣли говорить со мною, но и не смѣли даже назвать мнѣ своихъ именъ; по этому я придумалъ каждому изъ нихъ названіе. Перваго я прозвалъ *большой*: его дѣло было смотрѣть за чистотою въ казаматѣ, топить его, держать въ порядкѣ кухонную посуду. Втораго я прозвалъ *маленькій*: онъ покупалъ мнѣ провизію, и исполнялъ другія подобныя порученія. Третій прозывался *чудакомъ*: онъ вязалъ для меня чулки и смотрѣлъ за моимъ платьемъ. Четвертаго я прозвалъ *плотникомъ*: онъ дѣлалъ мелкія деревянныя вещи для моего хозяйства.

Когда маленькій возвращался съ рынка, у большого была уже готова кухонная посуда, и въ горящей печи приготовлено мѣсто для горшковъ, которые вдвигались туда и потомъ выдергивались съ помощью особаго орудія, называемаго ухватъ.

Сколько ни были преданы мнѣ мои гвардейцы, но они никогда не позволяли себѣ разсказывать, что̀ происходило въ Россіи, что̀ случалось при дворѣ, и какія вѣсти изъ арміи; такъ что, сидя въ казематѣ, я ничего не зналъ о происходившемъ на бѣломъ свѣтѣ. Только громъ пушекъ возвѣщалъ мнѣ иногда о какомъ нибудь праздникѣ, но какой это былъ праздникъ, и по какому случаю торжество при дворѣ — я никогда не могъ узнать.

Въ благодарность солдатамъ и сержанту за ихъ услуги, я всегда давалъ имъ по праздникамъ на водку, и не обходилось безъ того, чтобъ они не выпивали лишней чарки, и не становились на нѣкоторое время ни на что не способны.

Три раза въ году я уже непремѣнно терпѣлъ эту непріятность. Русская гвардія, по крайней мѣрѣ въ то время, получала жалованье по третямъ, и солдату, если не ошибаюсь, давалось восемь рублей въ треть. Получивъ деньги, мои сторожа пропивали ихъ, и возвращались домой пьяные. Когда они протрезвлялися, я выговаривалъ имъ, и большой больше всѣхъ раскаявался.

„Батюшка, говорилъ онъ, слѣдующую треть ужъ я принесу тебѣ спрятать; и тогда, если попрошу у тебя больше, чѣмъ нужно, то ты лучше прибей меня, а не давай."

Онъ сдержалъ слово: на слѣдующую треть принесъ мнѣ свое жалованье, но выпросилъ два рубли подкрѣпиться, какъ онъ говорилъ; потомъ отъ времени до времени приходилъ домой все пьянѣе и пьянѣе, и требовалъ своихъ девегъ. Такъ истратилъ онъ шесть рублей, и уже съ ругательствомъ требовалъ отъ меня остальныхъ двухъ. Я нѣсколько разсердился, и прогналъ его.

На слѣдующій день, когда солдаты мои спали еще крѣпкимъ сномъ кромѣ одного, стоявшаго на часахъ, приходитъ ко мнѣ сержантъ неодѣтый и съ самымъ покорнымъ видомъ:

„Что вамъ нужно!" спросилъ я кроткимъ голосомъ.

„Батюшка! отвѣчалъ онъ; я вчера былъ пьянъ и можетъ быть я обидѣлъ васъ, такъ пришелъ просить прощенья.

„Нѣтъ! вы нисколько не обидѣли меня, но на большого я очень разсердился."

Услыхавъ это, сержантъ грознымъ голосомъ началъ будить большого; тотъ вскочилъ съ просонья, и закричалъ, „зачѣмъ."

„Зачѣмъ? вставай-ка и раздѣлывайся за вчерашнее, ты вчера батюшку обидѣлъ."

Съ этимъ словомъ сержантъ вышелъ, и возвратился въ мундирѣ (*). Большой по порядку службы вытянулся, и горестно подставилъ спину; сержантъ вынулъ саблю, и поднялъ уже свою могучую руку, но я подошелъ и сталъ просить за солдата. Мы съ сержантомъ прочли ему наставленіе, и тѣмъ дѣло кончилось.

Глава XIX.

Въ серединѣ лѣта мнѣ позволили выходить изъ казамата на свѣжій воздухъ. И за это благодареніе Богу и государынѣ! Правда, я не смѣлъ ни съ кѣмъ говорить, и ни о чемъ спрашивать; всякій, къ кому я обращался съ вопросомъ, дѣлался совершенно безмолвнымъ; но все таки я несказанно былъ радъ солнцу и воздуху и движенію людей передъ моими глазами.

Лѣто проходитъ скоро въ Петербургскомъ суровомъ климатѣ. Когда у насъ въ Пруссіи стоитъ еще прекрасная осенняя погода, тамъ ужь начинается зима, и морозъ съ снѣгомъ скоро заперли меня снова въ ка-

(*) Сколько мнѣ извѣстно, сержантъ гвардіи равнялся въ то время маіору арміи.

заматъ. Тогда мнѣ не оставалось никакого занятія кромѣ чтенія библіи и разговора съ солдатами, у которыхъ я выучился по русски. Добрые и услужливые, какъ вообще всѣ Русскіе, они старались развлечь меня разными разсказами. Такъ проходилъ не одинъ бурный зимній вечеръ, и я жалѣлъ, что не могъ записать нѣкоторыхъ въ самомъ дѣлѣ прекрасныхъ разсказовъ, состоявшихъ по большей части изъ русскихъ сказокъ.

Вотъ одна изъ нихъ, которую я запомнилъ.

Какой-то бѣднякъ шолъ дорогой, и зашолъ къ казенному крестьянину. Тотъ хорошо принялъ странника, приготовилъ ему постель отдохнуть и накормилъ его, чѣмъ могъ. Но бѣдняку приглянулась хозяйская красная шапка, висѣвшая на стѣнѣ, и какъ-только хозяинъ за чѣмъ-то вышелъ на минуту изъ избы, бѣднякъ шапку со стѣны, да въ карманъ. Не успѣлъ онъ этого сдѣлать, какъ запѣлъ сидѣвшій тутъ же на шесткѣ пѣтухъ, да такъ запѣлъ, что вору показалось, будто онъ зоветъ его, и говоритъ: „отдай мою шапочку." Бѣднякъ сначала испугался, потомъ сталъ просить хозяина, чтобъ онъ продалъ ему пѣтуха и сварилъ на ужинъ. Хозяинъ было не хотѣлъ, но взялъ деньги, зарѣзалъ пѣтуха и сварилъ. Сѣли за столъ, но пѣтухъ и изъ горшка продолжалъ кричать вору: „отдай мою шапочку." Тотъ скорѣй принялся его ѣсть, но и въ животѣ у него раздавались тѣ же слова, хоть тогда неизвѣстно было чревовѣщаніе. Изъ приличія не буду разказывать дальше.

Такъ прожилъ я два года и четыре мѣсяца. Въ лѣтній день сидѣлъ я на дворѣ у двери моего казамата: жаръ былъ томительный, облака быстро неслись по ясному небу. Вниманіе мое было отвлечено отъ нихъ тѣмъ, что̀ происходило въ крѣпости. Передъ дверьми другихъ казематовъ стояли отдѣльныя команды солдатъ, и при нихъ запряженныя повозки. Сегодня вѣрно многихъ арестантовъ отправлять въ Сибирь, шепнули мнѣ мои солдаты, и холодная дрожь пробѣжала по моему тѣлу.

Вотъ вижу, нѣкоторыхъ арестантовъ отвели въ тайную канцелярію; было обѣденное время, но у меня прошелъ аппетитъ. Изъ канцеляріи арестантовъ опять отвели въ казематъ. Бѣгущія облака сгустились въ тучу, пошелъ дождь, все сильнѣе и сильнѣе, и полилъ какъ изъ ведра. Въ это время вывели одного арестанта, закованнаго въ цѣпи, посадили въ повозку, и она готова была тронуться.

Звукъ цѣпей еще раздавался въ ушахъ моихъ, какъ вдругъ блеснулъ съ неба такой ослѣпительный огонь, что мы всѣ упали въ испугѣ на колѣна. Это не была молнія, потому что она мгновенна, но какой-то электрическій метеоръ, продолжавшійся нѣсколько минутъ. Потомъ онъ пачезъ, и дождикъ тотчасъ пересталъ.

Ученый и физикъ легко объяснятъ себѣ этотъ небесный огонь, но иначе думали о немъ мои солдаты. Арестантъ, посаженный въ повозку въ минуту явленія метеора, былъ, какъ говорили, католическій архіепископъ. Я не могъ узнать, въ чемъ состояло его преступленіе, но толки о немъ были чрезвычайно различны. Одни говорили, что небесный огонь есть знаменіе гнѣва Божія за осужденіе невиннаго человѣка; другіе утверждали, что епископъ виновенъ, и что въ небесномъ огнѣ и мгновенномъ прекращеніи дождя сказалось удовлетворенное правосудіе Божіе.

Глава XX.

Недѣлю спустя послѣ этого происшествія, въ понедѣльникъ, вошелъ ко мнѣ мой сержантъ съ веселымъ лицомъ.

„Батюшка! сказалъ онъ таинственно, сегодня намъ будутъ радостныя вѣсти. Я слышалъ сторовою, что васъ позовутъ въ тайную канцелярію, и объявятъ свободу.“

Онъ сказалъ правду; черезъ полчаса меня потребовали въ тайную канцелярію.

Пройдя рядъ комнатъ, въ которыхъ сидѣли секретаря и писцы, я введенъ былъ въ длинную, прекрасно убранную, присутственную залу. За столомъ, покрытымъ краснымъ бархатомъ, сидѣлъ одинъ только господинъ, котораго я сейчасъ узналъ. Два года тому назадъ онъ присутствовалъ при моемъ обѣдѣ въ тайной канцеляріи. Судя по мундиру, онъ возвысился въ чинѣ, и я послѣ узналъ, что его тѣмъ временемъ произвели въ бригадиры.

Онъ ласково подошелъ ко мнѣ и сказалъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ: „Именемъ всепресвѣтлѣйшей императрицы я возвѣщаю вамъ, что вы свободны, и что батюшка вашъ живъ и здоровъ.“

Дрожа отъ страха, я кое-какъ произнесъ по русски слова благодарности. „Но этимъ еще не ограничивается мое порученіе, продолжалъ онъ. Я долженъ васъ увѣдомить, что вы завтра должны ѣхать. Но такъ какъ вы невинно пострадали, то въ вознагражденіе за это намъ предлагаютъ, угодно-ли вамъ остаться въ Россіи и опредѣлиться къ придворной должности, или возвратиться въ отечество и тамъ получить мѣсто.“

Разумѣется я пожелалъ послѣдняго.

„И такъ, сказалъ бригадиръ, васъ отправятъ завтра въ сопровожденіи пѣхотныхъ солдатъ.“

Будучи привезенъ въ Петербургъ гвардейскими солдатами, я просилъ, чтобы мнѣ дали гвардейцевъ же въ обратный путь.

„Я не въ правѣ исполнить вашего желанія, но надѣюсь, что намъ не откажутъ въ немъ“, и онъ тотчасъ написалъ объ этомъ нѣсколько словъ, и отправилъ, куда слѣдовало.

„Еще одно! сказалъ онъ. Сколько денегъ нужно вамъ на дорогу?“

Я предоставилъ это высшему усмотрѣнію, и бригадиръ отпустилъ меня, пожелавъ всего лучшаго.

Множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей стояли передъ дверьми моего казамата и съ искреннею радостью поздравляли меня. Въ этой толпѣ народа протѣснился ко мнѣ человѣкъ съ длинною бородою, въ очень грязной шубѣ, и обнялъ меня; его нечистый видъ сначала былъ мнѣ непріятенъ, но съ первыхъ словъ я увидалъ въ немъ образованнаго человѣка. Я узналъ отъ него, что онъ подполковникъ, долго содержавшійся въ крѣпости по подозрѣнію, но теперь вполнѣ оправданный и освобожденный. Мы говорили съ нимъ о нашей общей радости, какъ вдругъ два человѣка бросились къ его ногамъ, и со слезами стали обнимать ихъ. Это были его слуги. Потомъ услыхали мы стукъ подъѣзжавшаго экипажа, шлагбаумъ поднялся, и какой-то офицеръ бросился къ объятія подполковника. Это былъ его братъ.

Потомъ мы собрались въ моемъ казаматѣ, и весело пообѣдали. Все что у меня было провизіи, пошло на угощеніе моихъ гвардейцевъ и многихъ другихъ людей; но и этого не достало; мы сложились, и послали купить еще.

На завтра мнѣ позволили посмотрѣть городъ въ сопровожденіи моего стараго сержанта, но я такъ отвыкъ ходить по мостовой, что скоро усталъ и видѣлъ немного.

*

Въ тотъ же день пастору Теге дали на дорогу денегъ щедрою рукою, и государыня прислала ему кожаный фургонъ. По его просьбѣ съ нимъ поѣхалъ прежній приставъ его, старый сержантъ, и одинъ изъ четырехъ сторожей, назначенный по его же выбору, тотъ, котораго онъ называлъ маленькимъ. На всѣхъ станціяхъ знали напередъ, что Теге будетъ проѣзжать, и вездѣ принимали его, какъ нельзя лучше.

Такъ пріѣхалъ онъ благополучно въ Кёнигсбергъ, и подвезенъ былъ прямо ко дворцу, въ которомъ помѣщался тогдашній губернаторъ Кёнигсберга, графъ Суворовъ смѣнившій Корфа въ этой должности (*).

Сержантъ пошелъ отдать конверты Суворову, и возвратился съ приказаніемъ, чтобы пасторъ Теге явился на другой день къ губернатору на аудіенцію, и потомъ остался у него обѣдать.

„Пока мы стояли передъ дворцомъ, разсказываетъ Теге, подошелъ ко мнѣ генералъ-квартирмейстръ полковникъ Рейнсдорфъ, человѣкъ любезный и почтившій меня своею дружбой (*). Онъ обрадовался мнѣ и велѣлъ отвести мнѣ квартиру.

На слѣдующее утро я одѣлся въ лучшее мое платье, чтобы явиться къ губернатору, но у меня не было ни парика, ни полной пасторской одежды, а только платье изъ бѣлаго тонкаго сукна.

Въ назначенный часъ я явился въ аудіенцъ-залу. Она была полна военными и штатскими людьми. Всѣ они хранили молчаніе, и только нѣкоторые тихо шептались между собою.

На дворцовыхъ часахъ пробило 12. Съ послѣднимъ ударомъ отворилась дверь, и вошелъ губернаторъ въ сопровожденіи адъютантовъ. За нимъ шелъ мой сержантъ.

„Гдѣ полковой пасторъ, былъ первый вопросъ Суворова“?

Я выступилъ впередъ и поклонился съ должнымъ почтеніемъ.

Тогда онъ обратился ко мнѣ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ.

— „Вы не можете быть полковымъ пасторомъ. Полковой пасторъ ходитъ въ черномъ платьѣ, въ плащѣ, воротникахъ и парикѣ; а такъ какъ у васъ нѣтъ ничего этого, то вы не полковой пасторъ.“

Я хотѣлъ извиниться, но онъ перебилъ меня, продолжая:

— „Нѣтъ! вы не полковой пасторъ.“

Мнѣ стало досадно, что онъ издѣвается надо мной въ такомъ многолюдномъ обществѣ.

— Ваше превосходительство! сказалъ я смѣло. Всепресвѣтлѣйшая государыня Елизавета и правительствующій сенатъ признали меня въ этой одеждѣ, и полковымъ пасторомъ, и человѣкомъ совершенно правымъ; надѣюсь, что вы будете ко мнѣ столько же справедливы.

Онъ улыбнулся, ни горько и ни сладко, понизилъ нѣсколько свой высокомѣрный тонъ, и сказалъ: „Я пригласилъ васъ обѣдать, но сегодня постный день, и я надѣюсь въ другой разъ имѣть эту честь.“

Очевидно, Суворовъ обидѣлся за то, что я не явился къ нему въ полной пасторской одеждѣ. Въ Кёнигсбергѣ пасторъ Теге долженъ былъ проститься съ сержантомъ; ему даны были другіе люди, чтобы ѣхать далѣе. Это прощаніе было самое трогательное и слезное.

Наконецъ онъ прибылъ на свою родину, въ Маріенвердеръ. „Графиня Ферморъ и графини дочь ея, говоритъ Теге, прислали тотчасъ поздравить меня по случаю моего счастливаго возвращенія.

На другой день я, разумѣется, явился къ главнокомандующему. Онъ принялъ меня чрезвычайно дружески, но такъ какъ будто ви-

(*) Пасторъ Теге ошибается; это былъ не графъ Суворовъ, но генералъ Суворовъ—отецъ.

(*) Тотъ, что послѣ былъ Оренбургскимъ губернаторомъ и выведенъ въ Капитанской Дочкѣ Пушкина.

ѣлся со мной только вчера. Ни слова о моемъ долгомъ отсутствіи, ни одного замѣчанія о моемъ взятіи и содержаніи въ Петербургѣ.

— Вы свои будете проповѣдывать слово Божіе. Вотъ все, что онъ сказалъ мнѣ."

И такъ Теге по прежнему сдѣлался полковымъ пасторомъ. Это было въ 1761 году. Въ тотъ годъ русская армія въ Пруссіи находилась въ бездѣйствіи, и расположена была на квартирахъ въ Марienвердерѣ и его окрестностяхъ.

Вскорѣ послѣ новаго, 1762 года, получено было извѣстіе о кончинѣ Елизаветы, и о вступленія на престолъ Петра III. Въ числѣ прочихъ пасторъ Теге долженъ былъ присягнуть новому императору. Но имѣя зѣлѣ въ Кенигсбергѣ, онъ просилъ у Фермора позволенія отправиться туда, и тамъ присягнуть. Въ Кенигсбергѣ, послѣ Суворова, назначенъ былъ губернаторомъ графъ Панинъ. Въ тайной канцеляріи его полученъ былъ указъ еще отъ императрицы Елизаветы о томъ, чтобы пастору Теге дали мѣсто въ Пруссіи. Теге явился къ Панину, и при посредствѣ Рейнсдорфа, получилъ мѣсто въ Побетенѣ, гдѣ и остался навсегда.

Письма духовныхъ особъ прошлаго вѣка къ преосвященному Арсенію*.

I. Гавріила митрополита Петербургскаго.

1.

Преосвященнѣйшій владыко, любезнѣйшій мнѣ во Христѣ братъ и сослужитель! (1) Бархатъ я немедленно куплю, только прошу сыскать оказію къ пересылкѣ. Въ Нилову пустыню имяннымъ высочайшимъ повелѣніемъ опредѣленъ въ архимандрита бывшаго строителя Амвросія Потемкина братъ; а отцу Ѳеодосію дается мѣсто. Въ Калязинъ опредѣлимъ конечно хорошаго человѣка, теперь еще не положили прямо. Портретъ, если Богъ благоволитъ, изъ Петербурга пришлю. Я, имѣя высочайшее повелѣніе о принятіи въ проѣздъ чрезъ мою епархію Константинопольскаго патріарха Серафима, за нужное почелъ вашему преосвященству совѣтовать, чтобы вы приказали при въѣздѣ его въ городъ и при выѣздѣ позвонить только въ соборѣ и принять его въ домъ вашъ съ лаской. Не худо и въ Торжокъ написать, чтобы архимандритъ принялъ его къ себѣ въ монастырь и принялъ съ звономъ, только безъ такой встрѣчи, какая бываетъ мѣстному архіерею. Къ новому Ниловскому архимандриту совѣтую быть благосклоннымъ, ибо онъ графу Григорью Александровичу (2) свойственникъ. Подворье ваше я теперь устроилъ совсѣмъ, почитая сіе выгодѣйшимъ для вашего дому; только такихъ охотниковъ, которыебъ снимали его на себя, не вижу; стараться буду. О винахъ я къвамъ писалъ; что вамъ угодно, куплю, только оказію къ пересылкѣ извольте сами сыскивать. Я съ непремѣннымъ моимъ къ вамъ усердіемъ и почтеніемъ пребываю навсегда вашего преосвященства усерднѣйшій доброжелатель и богомолецъ *Гавріилъ*, архіепископъ Новгородскій.

1775 года Сентября 7 дня. (Москва).

2.

Что надлежитъ до моего вамъ совѣта, оной произшелъ не отъ критиковъ, а отъ такихъ людей, которые на меня возложили васъ предостеречь. Не опасайтесь! Васъ любятъ, и вы похвалу заслужили отъ двора. Не лестно пишу; его высочество о васъ говорилъ мнѣ въ Новѣгородѣ съ похвалою.

Благодарю за увѣдомленіе о затиминсѣ. Что надлежитъ до починки подворья, думаю, что Мелетій Степановичъ, который живетъ при княгинѣ (3), съ успѣхомъ бы перекрыть кровли постарался. Починять кровлю ненадежно: при мнѣ ее починяли, но какъ она давно сдѣлана, то требуетъ новаго тесу. Что надлежитъ до умноженія судей въ Твери, первый случай дѣйствительно можетъ быть скученъ. Но послѣдующее время все сіе угомонитъ. Перевороты никогда ненужны: лучше жить твердо, не взирая ни на какія другія прихоти. Сіе наконецъ заставитъ болѣе почитать. Впрочемъ желаю вашему преосвященству, чтобъ Богъ утвердилъ васъ Своею силою въ подвигѣ вашемъ и подалъ вашему сердцу утѣшенія Свои, которыя болѣе нежели какъ бы мы ожидали отъ людей. Вашего преосвященства усердный богомолецъ, доброжелатель и слуга *Гавріилъ* архіепископъ Новогородскій.

1776 го, февраля 18 дня.

3.

Податель сего, Иванъ Сергѣевичъ Челищевъ, ревностное имѣетъ желаніе быть монахомъ; но какъ у его есть жена, то и не можно его постричь, не постригши жену; я ему совѣтовалъ просить ваше преосвященство, чтобъ дозволили ему жить въ монастырѣ во мірскомъ, а когда будетъ дозволеніе о постриженія въ монахи, тогда имѣетъ съ женой требовать постриженія. Прошу, когда онъ будетъ васъ утруждать, дозволить ему жить въ Ниловой пустынѣ, удостоивъ его вашего покровительства. Пребываю и пр.

Февраля 20 дня 1777 года

4.

Пріятнѣйшее ваше писаніе я получилъ; искренно благодарю васъ за ваше ко мнѣ усердіе и любовь: что надлежитъ до выписанія книгъ Латинскихъ, обѣщался Англицкій пасторъ ихъ выписать: когда получу, не премину сообщить. Я разсуждалъ о сообщеніи, присланномъ изъ Тверскаго намѣстничества. Я уповаю, что сіе правленіе само согласится церковь свободить отъ того, чтобъ ей рекомендовать заведеніе школъ, представляя главнымъ въ нихъ Жанъ Боналя. Ежели вообразить, что въ церквахъ сотая доля дворянъ, а больше крестьянъ, склонныхъ къ расколу или раскольники, что они будутъ говорить о семъ заведеніи? Мелочи, какія написаны въ его планѣ, въ разсужденіи парикмахарей, бѣлья, слугъ, забавъ, игры, договора въ цѣнѣ, покупки домовъ, могутъ дать имъ странныя мысли. Я сей часъ, начавши

(*) За сообщеніе этихъ писемъ мы обязаны профессору Московскаго университета И. Д. Бѣляеву. *Арсеній Верещагинъ*, къ которому они писаны († 1799) былъ сначала архимандритомъ въ Твери, потомъ епископомъ Архангельскимъ, Тверскимъ и наконецъ архіепископомъ Ростовскимъ. (См. словарь митр. Евгенія, изд. 1818 г., стр. 52).

(1) Тоже обращеніе и при остальныхъ письмахъ преосв. Гавріила.

(2) Потемкину.

(3) Долгоруковой, занимавшей себѣ помѣщеніе на Тверскомъ подворьѣ, въ Петербургѣ.